

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

АНДРЕАС ГРУБЕР

Даже опытный сыщик может
проиграть, если перешел
дорогу не только одержимому
ненавистью убийце, но и своим
бывшим соратникам...

СМЕРТЕЛЬНЫЙ ХОРОВОД

Иностранный детектив

Андреас Грубер

Смертельный хоровод

«Центрполиграф»

2017

УДК 821.112.2
ББК 84(8Авс)

Грубер А.

Смертельный хоровод / А. Грубер — «Центрполиграф»,
2017 — (Иностранный детектив)

ISBN 978-5-227-08921-2

Несколько высокопоставленных чинов Федерального ведомства уголовной полиции кончают жизнь самоубийством самым жестоким образом и при загадочных обстоятельствах. Сабина Немез – комиссар группы по расследованию убийств и преподаватель Академии БКА – сразу заподозрила неладное. Многие указывают на давний заговор и жаждущую мести жертву. Сабина просит бывшего коллегу, временно отстраненного от службы профайлера Мартена С. Снейдера, о содействии в запутанном деле. Но он отказывается сотрудничать и убеждает ее не вмешиваться. Однако, когда Сабина бесследно исчезает, Снейдер начинает действовать. Тем самым он переходит дорогу не только исполненному ненависти убийце, но и своим бывшим соратникам, которые готовы пойти на все, чтобы навсегда скрыть грехи прошлого...

УДК 821.112.2
ББК 84(8Авс)

ISBN 978-5-227-08921-2

© Грубер А., 2017
© Центрполиграф, 2017

Содержание

Пролог	6
Часть первая. Суицид. Среда, 1 июня	10
1	10
2	13
3. Четверг, 26 мая	16
4	19
5	25
6. Четверг, 26 мая	29
7	33
8	37
9	39
10. Пятница, 27 мая	41
11	46
12	49
43 года назад – день боли	56
Часть вторая. Группа-6. Четверг, 2 июня	59
13	59
14	61
15. Пятница, 27 мая	68
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Андреас Грубер

Смертельный хоровод

Для Даниэля.

Возможно, ты прочитаешь эту книгу, когда подрастешь.

Единственный легкий день был вчера.

Мартен С. Снейдер

Andreas Gruber
Todesreigen

Copyright © 2017 by Wilhelm Goldmann Verlag, München, in der Verlagsgruppe Random House GmbH

«Смертельный хоровод»

© Перевод, «Центрполиграф», 2020

© Издание на русском языке, «Центрполиграф», 2020

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2020

* * *

Пролог

Автомагистраль, теряющаяся в темноте за лучами фар, лежала перед Бенно Марксом бесконечной прямой.

Четыре утра. Уже забрезжил рассвет. Чуть больше часа – и взойдет солнце. На этот раз он ехал в Гамбург. Следующие четыре часа Бенно Маркс проведет в дороге и лишь потом сделает остановку на стоянке грузовиков. Ровно тридцать минут. Затем продолжит путь, а пока выпьет один или два стаканчика кофе из термоса и будет терпеть с посещением туалета. Как всегда.

Он ехал со скоростью восемьдесят километров в час. Мотор ревел, и рамка с фотографией его жены и двоих маленьких детей, заткнутая за зеркало заднего вида, вздрагивала каждый раз, когда грузовик с грохотом преодолевал очередную неровность на дороге. Он был нагружен под завязку. С тягачом все тридцать тонн. Ни свет ни заря Бенно уже побывал на молочном комбинате, потому что чем раньше он приедет в Гамбург, тем лучше. Сдать цистерну с молоком, затем присоединить новый прицеп с продуктами – и обратно во Франкфурт. Все-таки в эти выходные ему удастся увидеть своих детей. Обе девочки признались ему, что в будущем тоже хотят стать водителями грузовика, потому что любят йогурт и мюсли. Он заставит их выбросить эту дурь из головы. Работа была незавидная, просто он больше ничего не умел.

Бенно включил радио. Передавали новости о дорожной ситуации. Все как всегда: если ведущий сообщал о пробке, то обычно уже не хватало времени, чтобы среагировать. Поэтому он больше доверял радиостанции гражданского диапазона.

Бенно взглянул наверх. Прибор висел на креплении – его провод покачивался из стороны в сторону – и молчал. Хороший знак. Может, спросить по рации, нет ли поблизости еще одного водителя? В такое время? Вполне возможно.

«...А теперь перейдем к дорожной ситуации во франкфуртском регионе. На участке между Франкфуртом и Буцбахом замечен водитель, едущий против направления движения. Соблюдайте осторожность при езде в обоих направлениях и не обгоняйте его».

Это был его участок! У Бенно по спине пробежал холодок. За семь лет работы дальнобойщиком он с таким еще не сталкивался. Бенно уставился вперед, но ничего не смог разглядеть. Некоторые грузовики обгоняли его, проносясь на большой скорости в северном направлении.

– Эй, идиоты! – возмутился он. – Вы новости разве не слушаете?

Он подал световой сигнал, но водители жали на газ и уносились прочь.

Бенно посмотрел в боковое зеркало. Автомагистраль медленно оживала. На трассу выезжало все больше автомобилей. Или любители путешествий, у которых еще не было детей-школьников, устремлявшиеся на север, или ранние пташки, спешащие на работу.

– Черт! – Он схватился за рацию. – Говорит Бенно, еду на белой «скании». Я на шестом канале. Вы меня слышите? Я на А5, еду на север в направлении Буцбаха. Только что по радио прошло сообщение о водителе, едущем против движения. Кто-то еще есть на моем участке?

В рации щелкнуло. Потом он услышал низкий ворчливый голос.

– Это Оскар, еду на голубом «мане». На шестом канале помехи, переключись на девятнадцатый.

Бенно переключился на девятнадцатый канал.

– Теперь лучше меня слышишь?

– Да, где ты?

– Только что проехал северо-западный перекресток на Франкфурт. – Бенно взглянул на навигатор и сообщил точный километр.

– Я километра на три впереди тебя и только что проехал мимо автостоянки «Таунсблик», – сообщил Оскар. – На дороге много семей.

– Я вижу, – подтвердил Бенно.

– Пока что мне этот автомобиль не встретился. Блокада?

У Бенно по коже побежали мурашки. Он крепче вцепился в скрипящий кожаной оплеткой руль. Блокада! Много лет он опасался этого момента. Но кто еще это сделает, если не они с Оскаром? По крайней мере, он и его грузовик были полностью застрахованы.

– Конечно, – ответил он с пересохшим горлом.

– Хорошо, может, он просто случайно выехал не туда и уже давно стоит на полосе аварийной остановки.

– А если нет?

– Тогда мы его остановим. – Оскар говорил так уверенно, словно у него уже был опыт общения с сумасшедшими, которые специально ехали против движения. – Жми на газ, дружище. Я поеду медленнее. Увидимся через четыре минуты. Конец связи.

– Конец связи, – прошептал Бенно. Эта часть автобана была трехполосной. Двух грузовиков было недостаточно. Он уставился на рацию. Она молчала.

Инстинктивно Бенно уже прибавил газу. Теперь он ехал со скоростью почти сто километров в час, перестроился в среднюю полосу и обогнал «ситроен» с домом-прицепом. Через стекло увидел, что на заднем сиденье спят двое детей. По крайней мере, сумасшедший не врежется в этот автомобиль и не разрушит жизнь семьи.

Через несколько сотен метров он увидел знак, указывающий на заправку, мимо которой только что проехал Оскар. Там должны стоять другие грузовики. Только он схватился за рацию, как на девятнадцатом канале прозвучал голос:

– Бенно, Оскар, говорит Кати. Я слышала ваш разговор. Еду на черном «маке». Вам нужна третья? Я сейчас выезжаю с заправки «Таунусблик».

– Добро пожаловать, Кати. Воздух пахнет металлом, маслом и бензином! – закричал Оскар.

– Ничего нового.

– Доброе утро, Кати, – сказал Бенно и подумал, что на самом деле вся эта болтовня просто для успокоения нервов. – Я как раз подъезжаю к заправке. – Он посмотрел в боковое стекло со стороны водителя. Заправка с придорожным рестораном и расположенная за ними смотровая башня со стеклянным лифтом были ярко освещены, но находились на другой стороне дороги. Однако над автобаном проходил мост. И на нем Бенно увидел черный американский грузовик с праздничной иллюминацией, тягач в семь с половиной тонн без прицепа, который ускорился и мчался к выезду на автобан.

Бенно подал световой сигнал.

– Я тебя вижу, – передал он по рации.

– А я тебя, дружище! – выкрикнула Кати. – Подвинься! «Мак» протрубил два раза, как круизный лайнер, выходящий из порта.

Бенно остался на средней полосе. Кати съехала на автобан, поравнялась с ним на разгоне и выкатилась на правую полосу. У ее черного грузовика под крышкой капота было значительно больше лошадиных сил, чем у его машины.

– Добро пожаловать в команду, – прокричал Бенно. Ему вдруг стало не по себе.

– Какое радостное приветствие. – Это прозвучало цинично.

Бенно поравнялся с ней, чуть сбавил скорость, и вскоре они ехали рядом. Одновременно им в голову пришла одна и та же идея, и они включили аварийную сигнализацию. Но все равно некоторые грузовики за ними гудели и подавали сигналы дальним светом.

– Почему эти придурки нас не обгоняют, могут взять нашу работу на себя, – возмущалась Кати.

Бенно посмотрел через стекло с пассажирской стороны в кабину Кати. Насколько он сумел разглядеть в подсветке приборов, у нее были короткие темные волосы, черная бейсболка в цвет грузовика и татуировка на шее.

– Это твой грузовик? – спросил Бенно.

– Ага.

– И ты все равно участвуешь в блокаде?

– По опыту знаю, что психи предпочитают среднюю полосу, – так что я вне опасности.

– Подтверждаю, – вмешался в разговор Оскар.

– Где ты? – спросила Кати.

В рации щелкнуло. Оскар назвал свое местоположение.

Бенно посмотрел на часы. С его первого контакта с Оскаром прошло меньше четырех минут. Они нагонят его в любой момент.

– Тихо! – крикнула Кати.

По радио повторили предупреждение о водителе, едущем против движения.

«Нет отбоя тревоги – продолжайте соблюдать осторожность, двигаясь в обоих направлениях».

Потом снова зазвучала песня. Stairway to Heaven¹.

– Идиоты, – выругался Бенно и убавил звук, чтобы не слышать припев.

– Я вижу вас в боковом зеркале, – наконец сообщил по рации Оскар. – Освободите для меня местечко. Я немного замедлюсь.

Грузовик перед Бенно включил сигнал торможения и перестроился на третью полосу. Как Оскар и сказал: голубой «ман». Грузовик тянул за собой прицеп «юмбо».

– Какой груз? – спросил Бенно.

– Строительная техника.

Прицеп был длиной не меньше восемнадцати метров, и, по расчетам Бенно, общий вес составлял около сорока тонн. Они с Кати ускорились и через несколько сотен метров догнали Оскара.

Теперь они ехали рядом. Рев двигателей стал в два раза сильнее, чем до этого. В боковом зеркале Бенно увидел, что за ними уже выстроилась целая колонна машин. Большинство, видимо, поняли, что они задумали, но некоторые умники все равно продолжали гудеть и мигать.

– Не обращайтесь внимания, – посоветовал Оскар.

Бенно посмотрел в его кабину. Оскар сидел в своем грузовике немного выше, чем он. Лет шестидесяти, с седым венчиком вокруг лысины, усами и парой лишних килограммов. Рукава его рубашки были закатаны, на запястье висело множество браслетов дружбы, которые поблескивали в свете приборов. Почему-то он напомнил Бенно его отца.

Они молча ехали рядом, сбросив скорость до семидесяти километров в час, и ждали. Перед ними тянулся пустой автобан. Лишь их три пары фар ближнего света разрезали темноту.

Шестьдесят километров в час.

Сообщение о психе за рулем прошло по радио в третий раз. Отбоя тревоги все еще не было. Пульс Бенно ускорился. Он выключил радио и сделал глоток из термоса. Возможно, последний. Лишь сейчас он заметил, насколько у него пересохло в горле.

Они замедлились еще больше.

Пятьдесят километров в час.

– Черт возьми... вон он впереди, – неожиданно раздался голос Оскара из рации. – Едет к нам по средней полосе.

Как и сказала Кати.

Почти одновременно они включили дальний свет и стали гудеть. Теперь и Бенно увидел свет фар автомобиля, который мчался им навстречу. Затем говнюк их неожиданно выключил.

– Он не сбрасывает скорость! – заявила Кати.

¹ «Лестница на небеса» (англ.), песня британской рок-группы Led Zeppelin.

– Замедлимся до сорока, – предложил Оскар.

Бенно убрал ногу с педали газа. Увидел слева и справа, как грузовики отстали, и тоже нажал на тормоз, чтобы быть с ними на одном уровне.

– Бенно, дело принимает серьезный оборот, – сказал Оскар. – Он ускоряется и едет прямо на тебя.

– У тебя есть подушка безопасности? – спросила Кати.

– Да, – проскрежетал Бенно. Краем глаза он заметил, как Оскар смотрит в его кабину.

Почему-то у него было такое ощущение, что он знает Оскара и Кати уже целую вечность. Наверное, потому, что в такой момент, как сейчас, было важно иметь рядом друзей.

– При столкновении не упирайся руками в руль, понял? – сказала Кати.

– Чушь! – прорычал Оскар. – Отстегни ремень безопасности!

– Что я должен сделать? – закричал Бенно.

– Отпусти руль, отстегни ремень и переберись за сиденье! В спальном месте зона деформации на метр больше!

Бенно устоял на несущийся на него автомобиль. Он схватился за пряжку ремня. А если времени не хватит? Его ноги казались свинцовыми.

– Давай же! – торопил Оскар.

– Ты уже не успеешь! – закричала Кати.

Бенно словно окаменел. Инстинктивно он посмотрел на фотографию своих дочерей. «Дерьмо! Какая глупая идея! Если бы ты выехал не в четыре, а в пять».

В следующий момент появился автомобиль. Темный и быстрый. Выскочил словно из ада, со всего разгона вклинился под бампер и застрял под мостом грузовика. Бенно вытянул руки, его откинуло вперед в подушку безопасности, он услышал треск лобового стекла, визг и скрежет металла. Все, что не было закреплено, полетело через кабину.

Лобовое стекло, которое напоминало паутину, выпало из рамы и отлетело в сторону, а осколки боковых стекол посыпались на Бенно. Ветер ворвался в кабину и выдернул фотографии из-за зеркала заднего вида. Автоматически Бенно хотел схватить их, но его откинуло в сторону.

Посыпались искры. Грузовик завихлял.

– Тормози! Держи грузовик посередине! – кричала Кати.

Оказалось, что инстинктивно Бенно нажал на газ. Он тащил расплюснутый автомобиль перед собой по асфальту, не решаясь посмотреть вниз, потому что ему было достаточно того, что он видел краем глаза. От машины мало что могло остаться – искореженная груда металла, пластик, горящий бензин и нечто, напоминающее человеческое тело.

Часть первая. Суицид. Среда, 1 июня

1

Александра Майкснер прицепила рацию к поясу и направилась через автобан. От влажной поверхности асфальта отражались сигнальные огни машины скорой помощи. Рядом на ветру трепетала красно-белая заградительная лента. Весь участок дороги напоминал поле боя.

– Майкснер, дорожная полиция, – представилась она пожарному, который руководил спасательными работами. – И как?

– Уже ничего не поделаешь! – перекрикивал он шум крана, который как раз устанавливали в надлежащую позицию. – Нам придется вырезать труп из того, что осталось от автомобиля.

Майкснер посмотрела на машину скорой помощи на полосе аварийной остановки. Задняя дверь была открыта, и в кузове лежал молодой мужчина. Приятной внешности, крепкий, со светлыми волосами. У него были ссадины, голова перевязана. Согласно документам его звали Бенно Маркс. Он остановил водителя-психопата и все еще находился в шоке. Когда врач закончит осмотр, Майкснер хотела переговорить с Бенно, прежде чем того отвезут в больницу.

А пока она подошла к месту аварии. «Господи, на что это похоже!» В результате лобового столкновения черный «ауди» въехал под передний мост грузовика. От силы удара запорочный штуцер сбоку на цистерне получил пробоину, и молоко растеклось по автобану. Но самое страшное было в том, что автомобилю снесло крышу и сплющило, как губную гармошку. «Просто выехал не в ту сторону? Ни за что не поверю! А если правда то, что утверждали два других дальнбойщика: водитель «ауди» выключил фары и ускорился. Значит, ты хотел умереть!»

Майкснер отметила маркировочным спреем положение колес на автобане, затем пожарные с помощью стального лебедочного троса вытащили из-под грузовика обломки машины. Разрезали металл гидравлическими ножницами и достали труп мужчины – или то, что от него осталось. «Твою мать!» Одного молодого пожарного стошнило. Майкснер не могла сказать, сколько лет было самоубийце. Во всяком случае, судя по одежде, это был мужчина. То, что осталось от его головы, было вдавлено в туловище.

Если где-то и лежали водительские права или удостоверение личности, сейчас до них не добраться. Поэтому Майкснер позвонила в центральный офис и продиктовала висбаденский номер «ауди» для установления личности владельца. Если погибший был владельцем автомобиля, в настоящий момент идентифицировать его можно только таким способом – а она должна была как можно быстрее выяснить его фамилию.

Майкснер отцепила с пояса фонарик. С любопытством осветила смятый салон автомобиля. Повсюду были осколки стекла и кровь. Между педалей застрял смартфон. Возможно, мужчина разговаривал по телефону во время движения, выронил сотовый, хотел поднять, случайно повернул не на тот съезд и выехал во встречном направлении. Исключать такое было нельзя, но выглядело маловероятным.

Майкснер взяла телефон латексными перчатками и положила в прозрачный пакет. К дисплею прилипла кровь и осколки, он треснул, но телефон все еще работал. Эти штуковины просто неубиваемые. Через пленку Майкснер хотела проверить адреса контактов и последние звонки, но телефон был заблокирован.

Черт, отпечаток пальца!

Она оглянулась и увидела, что труп в мешке лежит на носилках на обочине. Врач скорой помощи посмотрел на наручные часы и принялся что-то писать на листке бумаги.

Майкснер подошла к носилкам и расстегнула молнию. Наружу вывалилась рука погибшего, осколки посыпались на землю.

– Вам помочь? – равнодушно пробормотал врач, не поднимая глаз.

– Мне лишь нужен отпечаток его пальца, – прохрипела она, сунула указательный палец трупа в полиэтиленовый пакет и прижала подушечку пальца к смартфону.

Даже если мужчина был мертв, линии на его пальце проводили ток. И действительно – сканер разблокировал аппарат, и содержимое сотового стало доступным. Майкснер отошла в сторону.

– А кто застегнет мешок? – крикнул ей вслед врач.

– Вы! – Майкснер не будет еще раз смотреть на труп и касаться его руки. Вместо этого она пролистала последние сообщения на телефоне.

За несколько минут до столкновения мужчина отправил эсэмэс. Хоть бы это было не сообщение жене типа «Дорогая, включи кофеварку и поцелуй от меня детей, я скоро буду».

Она сама была дочерью, и это бы ее расстроило. Она открыла сообщение и пробежала глазами по нескольким предложениям. То, что она прочла, абсолютно не соответствовало ее ожиданиям.

«Ты был прав.

Прошлое настигает нас.

1 июня всех нас погубит.

Прощай!»

Тут зазвонил ее собственный телефон, и она немедленно ответила: это был центральный офис.

– Мы проверили номера, это служебный автомобиль. Наш коллега, из БКА Висбадена.

– Из Федерального ведомства уголовной полиции? – ошарашенно переспросила Майкснер.

– Да. Главный комиссар уголовной полиции Геральд Рорбек.

Майкснер никогда не слышала этой фамилии, но достаточно хорошо знала БКА. Все-таки почти три семестра проучилась в академии, пока не сдалась. Сейчас она уже год как могла бы работать профайлером, но не поладила с преподавателем. Как и почти все на ее курсе. Поэтому Шёнфельд, Гомез и она прервали обучение, и лишь Сабина Немез и Тина Мартинелли дотянули до конца в Академии для особо одаренных молодых кадров. Именно те, от которых она в начале ожидала меньше всего. Господи, какой же говнюк был их преподаватель. Мартен Снейдер, цинично подумала она, нет, неверно: Мартен С. Снейдер. Это «С» было ему чертовски важно.

– Вы еще там?

– Да, спасибо за информацию, – сказала Майкснер. – У Рорбека были родственники? – Она услышала, как коллега в центральном офисе застучала по клавиатуре.

– Его жена умерла в прошлом году. Есть сын пяти лет.

«О черт!»

– Спасибо. – Майкснер положила трубку.

Значит, коллега! И теперь его сын сирота. Она взглянула на мешок для транспортировки трупа на носилках, и перед глазами у нее снова возник ужасный образ. Разорванные брюки, переломанные в нескольких местах ноги, искореженное тело.

Тут ее охватило нехорошее предчувствие. Она еще раз подошла к обломкам автомобиля и посветила фонариком внутрь. Ничего! Тогда она обогнула машину и осветила заднее сиденье. Инстинктивно приготовилась увидеть там сплюснутый труп ребенка. Но, к счастью, заднее сиденье тоже было пустым.

– Эй, вы! – позвала она одного из пожарных. – Можете взломать багажник?

– Сейчас?

– Нет, после завтрака. Конечно, сейчас, это срочно.

Майкснер подождала минуту, пока двое мужчин разрезали крышку гидравлическими ножницами.

«Прошлое настигает нас... Прощай!» Мужчины отступили в сторону, и Майкснер заглянула в багажник.

Пусто! Никакого детского трупа.

Майкснер с облегчением вздохнула.

– О'кей, спасибо. – Она посмотрела на дисплей телефона и еще раз прочитала текст – все так же мало смысла, как и до этого. Помимо загадочного содержания ее озадачило еще одно обстоятельство. «Первое июня, это же сегодня!»

Внезапно она осознала, что даже не проверила, кому было отправлено сообщение. Теперь Майкснер изучала номер получателя. Некто, сохраненный под именем СНЕЙ.

– О нет! – вырвалось у нее. – Я знаю этот номер! И это имя!

Загадочное эсэмэс было отправлено ее бывшему преподавателю: Мартену С. Снейдеру.

2

Сабина Немез вошла в маленькую аудиторию-амфитеатр и оглядела ряды, расположенные полукругом. Восемь студентов ее курса были уже на месте.

Вид был ей знаком. Она сама просидела за этими партами целых четыре семестра. Неприятно было лишь то, что стоять за кафедрой сейчас приходилось ей.

После того как девять месяцев назад Мартен Снейдер был арестован и отстранен от службы, сдал оружие и служебный значок и оставил академию, в учебном плане образовалась большая брешь. Его заменяли некоторые коллеги, но сейчас одна из них, преподаватель Анна Хагена, уехала в командировку. Президент БКА Хесс обратился к Сабине и попросил вести занятия учебного модуля Хагены. Недолго, лишь один месяц до летних каникул. Дополнительно к ее работе в группе по расследованию убийств. И Сабина согласилась – при условии, что на занятиях у нее будет свобода действий. Хесс нехотя дал добро. Видимо, у него не хватало людей. А так как Сабина – бывшая ученица и напарница Снейдера – как никто другой, знала его методы обучения в академии, она была словно создана для этого.

Сабина положила досье на кафедру, встала рядом, убрала длинные каштановые волосы за уши и сунула руки в карманы брюк. При своем росте метр шестьдесят три она вряд ли олицетворяла властный авторитет, но студенты были тише воды ниже травы и смотрели на нее, полные ожидания.

– Меня зовут Сабина Немез. – Свое звание она не стала называть. – Добро пожаловать на курс «Оперативный криминалистический анализ», – начала она и почувствовала, как сердце забилося где-то в горле. Наверняка она более взволнована, чем ее студенты. – Так как главный комиссар уголовной полиции Анна Хагена в командировке, до конца семестра у вас буду преподавать я. Как вы знаете, ваш непосредственный доцент, Мартен Снейдер, отстранен от службы на неопределенное время.

– Мартен С. Снейдер! – крикнул кто-то.

– Правильно. – Сабина улыбнулась. Господи, как часто сам Снейдер исправлял ее подобным образом. – Мы могли бы сейчас взять пособие по Оперативному криминалистическому анализу и смоделировать какой-нибудь фиктивный случай или разобрать актуальное раскрытое дело. Но мне не очень хочется этим заниматься, к тому же я считаю такой метод неэффективным. Да я и понятия не имею, что у вас там сейчас в учебном плане.

– Плохо подготовились, – пробурчал студент в третьем ряду.

– Я бы даже сказала, совсем не подготовилась, – исправила его Сабина. – Я лишь вчера узнала, что буду вести вашу группу. И поэтому сделаю вам предложение. Я буду заниматься с вами тем, что умею лучше всего.

Студенты выжидательно смотрели на нее.

– Четыре семестра мне посчастливилось учиться у Мартена С. Снейдера, а затем работать его напарницей. За это время я познакомилась с его методами.

– Метод «визионерского видения», – прошептал кто-то.

– Именно. Поэтому, в лучших традициях Снейдера, я хочу разобрать с вами несколько нераскрытых преступлений. Он всегда считал, что уже раскрытые дела можно найти в Гугле или в архиве. Но я, как и он, хочу, чтобы вы стали самостоятельно думающими людьми. Разрешены любые креативные подходы. Так что мы возьмем какое-нибудь актуальное преступление и попытаемся мыслить нестандартно. При этом вы познакомитесь с широким спектром методов расследования Снейдера – за исключением кое-каких его особенностей.

– Например, косячков, – сказал кто-то.

Студенты рассмеялись, и Сабина улыбнулась. Разумеется, слухи о пристрастии Снейдера к марихуане дошли и до них.

Затем Сабина посерьезнела.

– Но прежде я должна попросить вас подписать соглашение о конфиденциальности. – Сабина прошлась по рядам и раздала формуляры. – Если вы нарушите его, то вылетите из академии. Если же будете соблюдать мои указания, то за месяц практики узнаете больше, чем за год сухой теории. Как вам это?

Студенты закивали. Одна девушка подняла руку.

– Да, пожалуйста?

– Каким вообще был Снейдер?

Сабина рассчитывала на многое, но не на это.

– Снейдера нельзя описать. С ним нужно быть знакомым.

Но студентов такой ответ не устроил.

– Расскажите! – настаивали они.

«А и в самом деле, каким он был?» Сабина подошла к кафедре, вальяжно села на стол рядом и свесила ноги.

– Он был невыносимым, – сказала она. – Иногда я его ненавидела за то, как он обращался с другими людьми. Он унижал их, буквально сравнивал с землей. Не терпел возражений. Но такая жесткость по отношению ко всем людям и особенно к своим студентам служила одной лишь цели: он хотел подготовить нас к реальному миру. Отчисляемость на его курсе составляла семьдесят процентов. И при этом у него был самый высокий процент раскрываемости – девяносто пять. Он мог «проникнуть» в мозг любого извращенца – и делал это до полного самопожертвования. – Она со вздохом подняла глаза. – Но так далеко мы с вами заходить не будем.

Один студент поднял руку.

– Говорят, в прошлом году он застрелил человека.

– Так и есть.

– Вы ведь там были, да? Его поэтому арестовали и отстранили от службы?

Сабина кивнула. У нее по-прежнему стояли перед глазами те образы, и она все еще ощущала слезы, которые в тот день бежали у нее по щекам.

– Вы присутствовали на судебном процессе Снейдера?

Она снова кивнула.

– Я была главной свидетельницей.

– И что?

Все подались вперед и уставились на нее.

«Господи, какая любопытная группа!» Но Майкснер, Шёнфельд, Гомез, Мартинелли и она были точно такими же три года назад.

– Достаньте из архива дело Снейдера. Там вы можете почитать мои свидетельские показания.

– Мы уже давно это сделали бы, но у нас нет доступа к архиву.

«У меня его тогда тоже не было».

– Будьте креативными, придумайте что-нибудь.

Разочарованные, студенты откинулись назад.

– Чем сейчас занимается Снейдер? – спросила девушка с короткими светлыми волосами в первом ряду.

– Честно говоря, я не знаю. – После судебного процесса у нее не было никаких контактов со Снейдером. За все это время она ни разу его не видела, никогда не просила у него совета и раскрыла все свои дела самостоятельно.

После того как шум в аудитории утих, она снова прошлась по рядам и собрала соглашения о конфиденциальности. Затем взяла пульт управления, опустила жалюзи и включила проектор.

– Надеюсь, у вас крепкий желудок. Сейчас вы увидите фотографии с места недавнего преступления...

Через час студенты покинули аудиторию. Наверняка они сейчас направляются в столовую, чтобы выпить крепкого кофе, на большее у них аппетита точно нет. Но щадить их не было смысла. Сабина решила с самого начала отделить зерна от плевел, как Снейдер. Она выключила проектор и сложила материалы.

Когда она уже собиралась выйти из аудитории, зазвонил ее сотовый. На дисплее отобразился номер Хесса. Президент собственной персоной. Уже поступили первые жалобы на ее методы преподавания?

– Доброе утро, президент Хесс, – ответила она на звонок.

– Немез, для вас появилось новое расследование, – сразу перешел он к делу.

– Но я сейчас преподаю в академии. Вы же сами...

– Я знаю! – перебил ее Хесс. – Пара часов в академии не основная ваша деятельность.

– Главный комиссар Тимбольдт об этом знает?

– Не волнуйтесь, я его проинформирую.

– Спасибо, – пробормотала Сабина. После отстранения Снейдера новым руководителем группы по расследованию убийств в БКА стал Тимбольдт, совершив невероятный скачок по карьерной лестнице. – О чем речь?

– Вчера вечером женщина упала с лестницы в своем доме и сломала позвоночник. Недалеко отсюда, в Майнце. Ее обнаружили только сегодня утром. Вероятно, речь идет об убийстве.

«Вероятно?» Сабина молчала. Хесс над ней издевался?

– Кража со взломом и убийством?

– Мы еще не знаем.

– При всем моем уважении, но это вряд ли расследование для БКА. Разве не уголовная полиция Майнца отвечает за...

– Немез! Пока что я решаю, где и когда расследование будет вести БКА. И этот случай важен! Погибшая – доктор Катарина Хагена.

Хагена! Не очень распространенная фамилия. Сабина положила материалы на кафедру и уставилась в окно. За парковкой академии, шлагбаумом и будкой вахтера на другой стороне дороги стояло могучее здание БКА.

– Хагена! – повторила она. – Как...

– Правильно, как Анна Хагена. Погибшая – ее сестра.

Сабина сглотнула. Не только потому, что взяла группу Анны Хагены, – она знала женщину лично. Хагене было около сорока пяти, и два года назад Сабина посещала некоторые ее занятия.

А теперь сестра Анны Хагены была мертва.

– И я должна?..

– Да, черт возьми. Вы должны заняться этим делом и, если речь действительно идет об убийстве, найти мерзавца.

– Анна Хагена уже знает, что ее...

– Нет, и это ваша вторая задача: аккуратно сообщите ей о случившемся.

3. Четверг, 26 мая

Харди потуже затянул ремень джинсов. Язычок пряжки вошел в последнюю дырку, не мешало бы проделать еще одну дополнительную. В очередной раз убедился, как человек меняется со временем. Хотя он набрал несколько килограммов в результате тренировок, его талия стала уже.

Он надел свою кожаную куртку и почувствовал, как она жмет в бицепсах и в груди.

– Давай проходи! – крикнул кто-то сзади.

Харди не нужно было оборачиваться, чтобы понять, кто вошел в комнату. Это был голос майора Кислингера, чьи интонации он слишком хорошо знал.

– Я сказал, проходи!

– Да заткнись, – буркнул Харди.

– Что?

Однажды Харди уже потерял самообладание, тогда он сломал парню челюсть, и это стоило ему еще восемнадцати месяцев.

Харди не был идиотом, чтобы повторять ту же ошибку. Тем более в такой день, как сегодня. Поэтому он промолчал.

– Что ты сказал?

– Ничего. – Харди закатал рукава кожаной куртки и сунул руку во внутренний карман. Там лежали солнцезащитные очки. Он протер стекла своей черной футболкой и нацепил очки на коротко стриженную голову. Его когда-то светлые волосы поседели на висках, появились залысины, щеки впали, лоб и шея покрылись морщинами. Лицо пятидесятилетнего мужчины. Состарившееся, но с живым, острым взглядом. Ясным и пронизательным, как никогда.

– И так красивый, – торопил его майор Кислингер. – Пошевеливайся!

Ничего не сказав, Харди прошел вперед. Ровно в восемь часов он был у окошка, где оформлялись документы на освобождение.

– Харди, дружище! – сказал толстяк за стеклом. – Ты выглядишь хреново.

– Двадцать лет рядом с тобой кого угодно изменят, – пробурчал Харди.

Толстяк просунул в щель под стеклом ручку и стопку формуляров.

– Распишись в трех местах: здесь, здесь и здесь.

Харди внимательно прочитал документы об освобождении и депозитарный отчет. Затем взял ручку и накарябал на листках «Томас (Харди) Хардковски».

– Проклятье, это недействительно, это не твое настоящее имя, – завозмущался сотрудник.

– А, верно, – буркнул Харди и перечеркнул два слова, оставив только «Харди».

– О черт! – воскликнул толстяк. – С тобой одни проблемы. Как я рад, что наконец-то от тебя избавлюсь.

– Тогда хватит болтать, лучше отдай мне мои вещи, медуза!

Толстяк просунул в щель пластиковый контейнер с жалким имуществом, которое два десятилетия пролежало в подвальном хранилище. Харди порылся пальцами в вещах: запасной ключ от «паджеро». «Интересно, у кого сейчас эта машина – если она вообще еще существует?» Ключ от входной двери. «Дома точно больше нет, его уже снесли». Старый мобильный телефон с антенной. «Размером с кирпич. Забуди!» Кулек леденцов. «Смотри-ка – английские пастилки «Роки» с мятным вкусом. Срок годности закончился девятнадцать лет назад». Старый кожаный кошелек с парой купюр. «Двести семьдесят немецких марок. Очень кстати!» К счастью, в кассе ему выплатили двенадцать тысяч триста евро. Работа на кухне себя оправдала – переработки почти каждые выходные, – и дирекция тюрьмы откладывала для него половину его доходов в виде сбережений.

Харди продолжал рыться в контейнере. Давно просроченный загранпаспорт и водительские права. «Просто ветхая книжонка и пожелтевшая бумажка». Упаковка болеутоляющих таблеток. «Это можете оставить себе!» Дорогие карманные часы, которые забрали у него в качестве финансового обеспечения. «Надо же, все еще в крови с момента задержания». Зачитанная книга. «Над пропастью во ржи». Коробок спичек и пачка сигарет «Мемфис». Но с этим он завязал двадцать лет назад.

– О'кей. – Харди взял лишь портмоне, водительские права, паспорт, часы и книгу, сунул все в карман и пошел.

– А остальное? – крикнул ему вслед толстяк.

– Можешь толкнуть на eBay.

– А что с книгами в твоей камере? Сколько их? Сто?

– Двести шестьдесят одна, – ответил Харди. Толстяк никогда не умел считать.

– Двести шестьдесят одна? – повторил мужчина.

– Да. – Харди обернулся. Сборная солянка из Фолкнера, Стейнбека и прочих писателей, которыми в тюрьме никто не интересовался. – Можешь подарить кому-нибудь в семье, если хоть кто-то из твоих родственников умеет читать.

Харди вышел на улицу, надел солнцезащитные очки и посмотрел в обе стороны. Солнце безжалостно жарило ему в затылок, по спине бежали струйки пота.

«Чертова жара!»

И вот уже снова начались его головные боли. На протяжении многих лет они появлялись регулярно, но он отказывался принимать лекарства. Лучше терпеть боль, чем заглушать чувства. «Плевать!»

Старое кирпичное здание с зарешеченными окнами, где размещалась тюрьма Бютцов, осталось позади. В прямом смысле этого слова. Перед ним была свобода.

Отсюда до Ростока каких-то тридцать километров, и в некоторые дни Харди даже казалось, что он ощущает соленый запах Балтийского моря. Конечно, он выдумывал, но, когда столько лет находишься в тюрьме, начинают появляться фантазии. И не все они связаны с мстостью. Правда, сейчас его тянуло не к морю, а в другом направлении: в сторону Франкфурта и Висбадена. Ему нужно туда. Там он получит ответы.

Его ожидаемо никто не встретил. Да и кто бы это мог быть? Никто не обрадуется, что он снова на свободе. Скорее наоборот!

Похоже, единственный, кого он интересовал, был водитель черной «Лады-Тайги», которая стояла в двухстах метрах на улице перед администрацией кладбища. По бамперу Харди заметил небольшой крен и понял, что в машине кто-то сидит. Но он не мог разглядеть, кто именно, потому что солнечный свет отражался в стеклах машины.

Харди медленно направился к автобусной остановке, которая находилась прямо перед тюрьмой на Кюлунгсборнерштрассе. Оттуда на автобусе он доберется до вокзала.

На ходу он вытащил из кармана куртки книгу. Пора заново знакомиться с Холденом Колфилдом и его красной кепкой, которую он всегда носил задом наперед.

На первой странице книги стояла дарственная надпись:

«В глубине души ты по-прежнему ребенок.

Таким и оставайся.

С любовью, *Лиззи*».

Дарственная надпись от его жены. Никто на земле не знал его так хорошо, как Элизабет Хардковски, его Лиззи. Ну, за исключением Норы, – но он быстро отогнал от себя эту мысль.

Харди дошел до остановки и покосился на черный автомобиль. Никто не помешает ему воплотить свой замысел в жизнь. Ни мужчина в «Ладе-Тайге», ни кто-либо еще.

Все-таки он ждал двадцать лет, чтобы выяснить правду. Он узнает, как и почему умерла его жена и кто в этом виноват. Он тщательно продумал все детали своего плана. Он управится за несколько дней, и это обернется дьявольским смертельным хороводом – для всех, кто был замешан в тех событиях...

4

Майнц находился в нескольких минутах езды к югу от Висбадена. В городском районе Гонзенхайм дорогие виллы стояли одна другой краше, и особенно Брайтештрассе выделялась самыми шикарными зданиями в разных стилях.

Обзавидоваться можно!

Сабина припарковала свой автомобиль рядом с трамвайной остановкой, прямо перед двухэтажным кирпичным домом, с эркерами, чердачными окнами и милой острой крышей. Дверь на узком балконе была открыта, и белоснежная занавеска развевалась снаружи. Сабина положила табличку БКА на приборную панель под лобовое стекло, взяла ноутбук и вышла из машины.

Через минуту она стояла в коттедже, опершись о деревянный косяк лестничных перил, и смотрела на ступени, ведущие на второй этаж. Для начала июня было непривычно жарко и душно, но, к счастью, в доме работал кондиционер.

Коллеги из криминалистического отдела почти закончили, и труп Катарины Хагены уже увезли. Только белые линии указывали на то место, где лежало ее тело: в самом низу лестницы с неестественно повернутой в сторону головой.

– Следы взлома? – спросила она одного из коллег, по казав свое удостоверение.

На верхнем этаже сверкнула вспышка фотокамеры.

– БКА? – удивился сотрудник уголовной полиции Майнца, убрал диктофон и помотал головой.

– Следы борьбы?

– Нет.

– Следы насилия на теле погибшей?

– Нет.

– Что-нибудь пропало?

– Непохоже. Я задаюсь вопросом, зачем мы здесь вообще.

«Тем же вопросом задаюсь и я». Сабина ничего не ответила. Но, очевидно, Хесс знал больше, чем она, или так считал. Иначе не прислал бы ее сюда.

– Мы вам еще нужны? – спросил мужчина.

– Нет, вы можете идти, когда закончите. Спасибо!

Мужчина кивнул коллегам, и те собрали свои вещи. С верхнего этажа спустились сотрудники криминалистического отдела и фотограф, и все вместе гуськом покинули дом. Массивная входная дверь со стеклянными вставками с грохотом захлопнулась, и в следующий момент в доме наступила почти полная тишина – за исключением тихого гудения кондиционера.

Сабина припомнила сведения из дела Катарины Хагены, с которыми ознакомилась до этого. Женщине было пятьдесят три, она – как позже и ее сестра Анна – окончила полицейскую школу, но не сделала карьеру в БКА, а изучала юриспруденцию, написала диссертацию и много лет работала в различных адвокатских конторах, пока десять лет назад не открыла собственную. С упором на уголовное право. Видимо, она хорошо зарабатывала, по крайней мере больше, чем ее сестра в БКА, потому что Катарина Хагена – насколько Сабина знала от одной из коллег – жила одна в этой вилле с маленьким садом, финской баней, инфракрасной сауной и джакузи. Согласно поземельной книге, имущество было свободно от долгов.

Сабина посмотрела вверх по лестнице. Оттуда упала адвокат. На уровне последней ступени на стене были следы. Если верить предварительным данным криминалистов, которые Сабина изучила в Центральной оперативной системе, они остались от ногтей Катарины Хагены. Адвокат оступилась и, пытаясь ухватиться за стену, поцарапала ногтями обои. Затем ударилась головой о стену на высоте около метра. Кто-то был в доме и преследовал ее? Если да, воз-

можно, она пыталась сопротивляться и скатилась вниз по лестнице. Сломанное запястье, сломанная ключица, вывихнутый большой палец, раздробленная берцовая кость и повреждение черепа. Согласно медицинскому освидетельствованию, она страдала от сильного остеопороза. Оказавшись внизу на ковре, она, вероятно, была уже мертва.

Сабина снова подняла глаза. Так как потолки были высотой три с половиной метра, лестница казалась внушительной. Она почему-то напонила Сабине сцену из фильма «Изгоняющий дьявола», в которой Линда Блэр на четвереньках сползает вниз по лестнице. В этом доме было так же сумрачно, как и в фильме, потому что из-за жары были опущены все жалюзи.

Теоретически Катарина Хагена могла споткнуться и о кошку или собаку, но ничто в доме не указывало на присутствие домашних животных – никакой миски или еще чего-нибудь. Поэтому вопрос звучал следующим образом: от кого или чего она убегала?

Сабина загрузила на ноутбуке актуальные данные расследования, которые обновлялись поминутно. Официально Хагена жила в этом доме одна, и соседи не видели никаких посетителей тем вечером. Только система охранной сигнализации могла указать на гостя. Современная радиосистема с камерой и датчиком движения, которая снимала все, что происходило перед входной дверью. Но записи видеокамеры были удалены. А на клавиатуре, которая находилась под дисплеем в прихожей, не было никаких отпечатков. Даже самой Катарины Хагены. На клавишах еще оставался магнитный порошок криминалистов. Значит, кто-то намеренно удалил видеозаписи и затем стер свои отпечатки пальцев с клавиатуры. Похоже, чрезмерное усердие Хесса было не таким уж необоснованным – и, возможно, специалистам удастся восстановить записи.

Сабина поднялась со своим ноутбуком по широкой лестнице. Кондиционер выдувал холодный воздух вниз, и у Сабины по спине побежали мурашки. На верхнем этаже лежал бордовый персидский ковер. Сабина не нашла на нем ни одной складки, о которую могла бы запнуться Катарина Хагена. Здесь располагалось еще пять помещений: ванная комната, туалет, спальня, кабинет и гардеробная. Рядом с дверью в кабинет Сабина нашла дисплей кондиционера. Шестнадцать градусов. Необычно холодно! Возможно, убийца установил такую низкую температуру, чтобы затруднить работу судмедэкспертам по определению точного времени смерти. Умный ход! Кондиционер все-таки работал всю ночь. И на этом дисплее коллеги-криминалисты не обнаружили никаких отпечатков пальцев.

Что говорил Снейдер в таких случаях? Чем старательнее убийца пытается замести следы, тем больше их оставляет.

Сабина выключила кондиционер и вошла в кабинет Катарины Хагены. И здесь жалюзи опущены, а в помещении почти морозно. Сабина положила ноутбук на письменный стол, но решила пока не обновлять отчеты. Техника еще не все. Лучше она попытается проникнуться атмосферой этого места.

С учетом низкой температуры кондиционера, смерть наступила около десяти вечера. Сабина закрыла глаза и вызвала в памяти фотографии, которые сделали коллеги. На адвокате была не ночная рубашка, а джинсы и черная блузка. И, согласно предварительному заключению судебного медика, зубы перед смертью она не чистила и следов мыла на пальцах тоже не было.

Сабина услышала скрип паркета и подняла глаза. В комнате кто-то был. В противоположном темном углу кабинета стояла женщина. Худая, высокая, в джинсах и черной блузке. Она исподлобья смотрела на Сабину через длинные темные волосы, которые падали ей на лоб.

Сабина прищурилась.

«– Катарина Хагена?»

– Да.

– Что вы делали вчера здесь наверху в десять вечера?

– Ваши предположения?

– Вы не были в ванной, чтобы подготовиться ко сну. Полагаю, как и в туалете, потому что внизу есть еще один. В гардеробную вы тоже еще не заходили, потому что на вас по-прежнему уличная одежда. Значит, остается только кабинет.

– Значит, так и есть.

– Вероятно, вы были в кабинете не одна, я права?

– Возможно.

– Кто был с вами?

– Вы видите на мне ранения или следы борьбы?

– Нет. Значит, вы знали того, кто вас убил?

– Или ту, которая меня убила».

«Или ту, которая меня убила», – мысленно повторила Сабина. Она потрянула головой, отгоняя видение, и образ женщины исчез. В углу стоял просто торшер, на котором висела вешалка с трикотажным пуловером.

Сабина осмотрела письменный стол. Тоже никаких следов борьбы, папки и ручки аккуратно разложены, рядом с монитором поднос с пустой тарелкой и кофейной чашкой. Сабина понюхала. Какао. Видимо, во вторник вечером Катарина работала в своем кабинете.

На другой стороне стола стояла современная телефонная станция с большим дисплеем и устройством для громкой связи; рядом лежала записная книжка. Сабина полистала ее. Комбинация из календаря-органайзера и телефонной книги. На вечер вторника не было назначено никаких встреч. Лишь напоминание о сериале в среду, который хотела посмотреть Хагена. Она уже не узнает, что было в той серии.

На кнопках телефона еще оставался магнитный порошок криминалистов. И здесь тоже никаких отпечатков. Сабина вывела на дисплей карту памяти телефона, чтобы посмотреть номера последних соединений.

Пусто!

На автоответчике тоже не было сообщений. Она горько усмехнулась. Кто-то действительно постарался и уничтожил все следы.

Насколько Сабина знала, родители сестер Хагена умерли много лет назад. Кроме сестры, у Катарины не было родственников. Сабина открыла телефонную книжку, нашла номер Анны Хагены и позвонила ей со своего мобильного.

После трех гудков ее коллега ответила:

– Хагена.

– Алло, это Сабина Немез, БКА, Висбаден. В академии я посещала ваши занятия...

– Я знаю, кто вы. Бывшая студентка академии. Я вас помню. Вы по поводу моего курса?

– Я звоню из дома вашей сестры.

– Ага. – Хагена не очень удивилась. – Я хотела поговорить с ней вчера вечером, много раз набирала номер, но так и не смогла дозвониться. Затем позвонила соседке и попросила ее узнать, что с Катариной. С тех пор никаких известий. Что случилось?

– К сожалению, у меня плохие новости. Это касается вашей сестры. – Сабина сделала паузу. – Сегодня утром ее нашли мертвой в доме.

Молчание.

– Мне очень жаль, – продолжила Сабина. – Вероятно, она упала с лестницы и сломала себе шею.

Несколько лет назад мать Сабины убили в одной мюнхенской церкви. В тот раз они вместе с Мартеном Снейдером поймали ублюдка. Так что она знала, каково это – терять близкого человека, и могла поставить себя на место Анны Хагены.

– Мне очень жаль, – повторила Сабина. – Что вы хотели обсудить с вашей сестрой?

Никакого ответа.

– Анна, я должна поговорить с вами. Когда мы сможем увидеться? – спросила Сабина.

Хагена ответила надломленным голосом:

– Я в командировке в Берлине. На конференции по безопасности БКА. Вернусь сегодня вечером, но довольно поздно.

Сабина знала, что в этом году конференция проходит недалеко от Мемориальной церкви кайзера Вильгельма.

– Я могу подъехать к вам около девяти вечера?

Хагена подумала.

– Да, конечно. – Она откашлялась. – Вы занимаетесь этим делом? Не уголовная полиция Майнца?

– Президент Хесс так распорядился.

– Понимаю. Катарина была убита?

– Мы еще не знаем. Если да, то я найду убийцу.

– Я знаю, спасибо. – Она завершила разговор.

Сабина устала на пустую тарелку и чашку из-под какао рядом с монитором.

«Я хотела поговорить с ней вчера вечером, много раз набирала номер, но так и не смогла дозвониться».

Но ведь Катарина Хагена была дома! А после убийства Анна Хагена уже не звонила, иначе на дисплее отображались бы пропущенные звонки.

Что-то здесь было не так. Сабина запросит у телефонной компании список с последними звонками и разговорами. Но не официальным путем – если не подключалась прокуратура, телефонные компании предоставляли данные только в конце месяца. А Сабина не хотела так долго ждать. Она уже знала способы, как добыть эту информацию быстрее.

Но было еще кое-что, озаботившее Сабину: Анна Хагена не проявила никаких эмоций, хотя потеряла свою последнюю родственницу. И даже не спросила, когда умерла ее сестра – до или после того, как она ей звонила. Саму Сабину в этом случае интересовало бы точное время смерти.

В час дня Сабина сидела в столовой академии перед своим ноутбуком и изучала обновленные отчеты криминалистов. Многие исследования были еще не завершены, и результаты ожидались лишь через несколько дней. Вообще-то Сабина могла бы разобрать этот случай со своими студентами, но что-то ее останавливало. Но что же? На этот вопрос был один-единственный, но достаточно простой ответ: «Интуиция подсказывает тебе, что твоя коллега как-то связана с этим происшествием. И поэтому нужно действовать осторожно!»

– Добрый день, Сабина.

Она вздрогнула. Перед ней стояла Диана Хесс, жена президента БКА. На ней был элегантный кремовый брючный костюм, волосы – за исключением нескольких прядей – забраны наверх.

– Я жду мужа, решила немного размять ноги и случайно увидела вас через окно столовой. Как у вас дела?

– Спасибо. Не хотите присесть? – Сабина собрала разложенные на столе материалы.

– У меня всего несколько минут. – Диана Хесс опустилась на стул. Солнечные очки висели в вырезе блузки, а кожа пахла солнцезащитным маслом. – Господи, когда же я была в этой столовой последний раз? – Она улыбнулась.

Сабине не пришлось долго думать.

– Полгода назад. В день судебного заседания Снейдера. Мы встретились здесь и пили кофе.

– Да, верно.

С тех пор Сабина часто видела Диану – несколько раз у входа в здание БКА, затем в кабинете Дитриха Хесса, два раза за обедом и однажды на торговой улице Висбадена. Они всегда

ладили, симпатизировали друг другу, но спокойно поговорить им еще никогда не удавалось. Неудивительно – у такой женщины, как Хесс, было множество официальных встреч, а Сабина часто уезжала по работе в другие федеральные земли или за границу.

– Как у вас дела?

– Ах, в принципе, хорошо, – вздохнула Диана. – Для меня лучший способ справиться с ужасными воспоминаниями – это с головой погрузиться в работу.

Видимо, она имела в виду события, когда они с Сабиной чудом избежали смерти, – и ее терапией, очевидно, была активная благотворительная деятельность в поддержку детских домов, которой она посвятила себя последние девять месяцев.

– А как вы? – спросила Диана.

– Меня мотивирует охота за убийцей. – Вот дерьмо! Она уже напоминает Снейдера.

Диана посерьезнела, она рассматривала свои тонкие пальцы и играла с кольцом.

– Не знаю, как благодарить вас за то, что вы не дали показания против Снейдера. Я представляю, чего вам это стоило.

Сабина кивнула. Это было тяжелое для нее время, о котором она не любила вспоминать. Очевидно, тема уже давно угнетала Диану, и, наверное, именно поэтому она «случайно» оказалась в столовой. Но почему именно теперь, спустя полгода?

Сабина посмотрела по сторонам, желая убедиться, что никто не подслушивает их разговор.

– Я сделала это для вас и Снейдера. – Она знала, что они по-прежнему были близкими друзьями.

Диана сжала губы.

– Если бы Мартена не оправдали, все закончилось бы для него плохо.

Но что это дало? Из-за серьезных обвинений Дитриху Хессу все равно пришлось отстранить его от службы. Сабина попыталась улыбнуться.

– Я лишь сказала правду.

По взгляду Дианы Хесс Сабина поняла, что они обе знали правду. В ходе расследования так называемой «Сказки о смерти», как пресса окрестила их последнее общее со Снейдером дело, Снейдер застрелил человека. Обычно за такое, даже при хорошем раскладе, он отправился бы в тюрьму минимум на десять лет. И ничего иного Снейдер не заслуживал. Но в день дачи показаний в суде Сабина осознала, что жизнь не черно-белая штука, а между законностью и преступлением есть широкая серая зона. Она несколько раз прикусила язык и, скрепя сердце, дала ложные показания. Лишь один-единственный раз, поклялась она, пытаясь оправдать перед самой собой этот поступок. Все-таки Снейдер не раз спасал ей жизнь – теперь они были квиты.

– Мой муж обещал мне, что попытается официально восстановить Мартена на службе в БКА, – сказала Диана.

Сабина подняла на нее глаза. Это что-то новенькое!

– Какие у него шансы?

Диана нахмурилась.

– К сожалению, не очень хорошие. Я понятия не имею, удастся ли это вообще. Но он сделает все возможное, пока занимает должность президента.

– Он планирует уйти на пенсию?

– Через полгода. Мы хотим переехать к Балтийскому морю. Наш сын еще ходит в школу, но он достаточно взрослый и останется здесь, в Висбадене, у своей тети.

– Хорошая местность, я была на Балтийском море несколько раз по работе. Вы знаете, как дела у Снейдера? – спросила Сабина.

– Он... – Диана прочистила горло. – Он преподает в Висбадене как приглашенный доцент в Университете экономики и права. Дополнительный предмет: специальную психологию.

Сабина улыбнулась.

– Бедные студенты.

– Да, им с ним нелегко. Он нисколько не изменился, – вздохнула Диана. Ее взгляд упал на экран ноутбука. – Это дело Хагены?

Сабина кивнула.

– Ваш муж поручил его мне.

– Да, я знаю. Это была моя идея подключить вас к расследованию. Ужасная история.

– Ваша идея? – переспросила Сабина.

Диана кивнула.

– Я сказала ему, если кто и сможет пролить свет на это дело, то вы.

Сабина почувствовала себя польщенной, но вместе с тем насторожилась.

– Это означает, вы знали Катарину Хагену?

– Катарина моя знакомая... была моим знакомым адвокатом в Майнце и Висбадене.

– Тогда вы, наверное, знаете и Анну Хагену?

– Господи, да кого из коллег Дитриха я не знаю? – Диана улыбнулась. – После того как Мартена отстранили от работы, она взяла на себя расследование его последнего нераскрытого дела.

У Сабины невольно приподнялись брови, но она старалась не подавать виду.

– Но вероятно, не особо успешно.

– Верно, кто дотянется до Мартена с его процентом раскрываемости? – Диана Хесс поднялась. – Мне пора, я должна сопроводить мужа на одну встречу, а позже на официальный ужин с министром внутренних дел и главным прокурором, чтобы разрядить обстановку. – Она закатила глаза. – Вы знаете, как это бывает. Кстати... – Она понизила голос: – Мое предложение все еще в силе. Друзья Мартена и мои друзья, и, если вам понадобится помощь, вы всегда можете мне позвонить.

– Я знаю, спасибо. – Сабина посмотрела вслед Диане, которая вышла из столовой через боковую дверь.

Значит, Анна Хагена занималась последним нераскрытым делом Снейдера – а сейчас ее сестра умерла при загадочных обстоятельствах.

5

Тина Мартинелли знала о доме Снейдера только по рассказам. Якобы это был небольшой домик на краю Висбадена, стоявший у самого леса. По крайней мере, так его описывала Сабина Немез.

Расположенный у леса – это слабо сказано. Дом Снейдера находился в конце лесной тропы, по которой едва можно было проехать на автомобиле. Якобы у Снейдера даже не было водительских прав. Поэтому раньше коллегам всегда приходилось забирать его на служебном автомобиле от дома. Раньше. Те времена прошли. Чем Снейдер зарабатывал себе на жизнь уже девять месяцев, Тину не интересовало. Ей нужны были только его показания – потому что на этот раз он был допрашиваемым.

Тина припарковала машину рядом с ручьем перед деревянным мостом и прошла остаток пути по тропинке пешком. На краю поляны, на фоне лесистых холмов стояла старая недействующая мельница с красной гонтовой крышей, слуховыми окнами, деревянными ставнями и дымовой трубой с флюгером-петушком. Полуденное солнце приветливо освещало дом Снейдера. Сочно-зеленый плющ вился по деревянной шпалере вдоль стены, рядом над лужайкой жужжали пчелы.

Подойдя ближе, Тина увидела, что ручей, вдоль которого она до этого ехала на машине, через арочное отверстие исчезал в фундаменте здания. Перед земельным участком она заметила огромную деревянную бочку, на которой висела табличка: «Мартен С. Снейдер – посетители нежелательны!»

Это и так ясно!

На террасе из природного камня под козырьком крыши и низко висящим водосточным желобом стояли стол и плетеные кресла. В одном из них в тени сидел Снейдер и читал крупноформатную газету. В его ногах на покрывале лежал бассет, – заметив Тину, он устало поднял голову и издал глухое вуф. Затем снова зарылся мордой в подстилку и закрыл глаза.

Снейдер поднял взгляд и, узнав Тину, сложил газету и положил ее на плетеный стол рядом с собой. Тина заметила между страницами дуло пистолета. Судя по форме, это был «глок». Бывшее служебное оружие Снейдера?

– Кого вы ожидали? – спросила она. – Наемного убийцу?

– Никогда не знаешь, – пробурчал Снейдер. – В эти места машины редко заезжают. А Винсент не лучший сторожевой пес.

Тина сунула руку в карман брюк и достала собачью галету. Уже несколько лет она слышала о собаке Снейдера и вот наконец увидела ее в первый раз. У пса была жесткая шерсть, и для бассета он был довольно худым. Тина присела на корточки, погладила Винсента и поднесла лакомство ему к морде. Не мешает настроить Снейдера на мягкий лад, особенно когда от него что-то нужно. А его симпатия к этому псу была всем известна.

Бассет быстро схватил галету и проглотил не жуя. Урча, снова улегся на свою подстилку.

– Что вам нужно? – равнодушно спросил Снейдер.

– Я ожидала застать вас в удобной одежде, в джинсах и толстовке, но... – Она с легким раздражением разглядывала Снейдера. Как и все годы до этого, на нем был сшитый на заказ костюм и белая рубашка. Тина никогда не видела его ни в чем другом. Хотя верхняя пуговица рубашки была расстегнута, а пиджак висел на спинке стула, Снейдер по-прежнему выглядел очень официально.

– Оставим светскую беседу. Что вам нужно? – повторил он.

– Можно присесть?

– Нет, иначе вы будете мешать мне еще дольше. – Снейдер поднялся. Но не для того, чтобы пододвинуть Тине стул, а чтобы взять щетку для собак. – Иди сюда, мой мальчик. – Он похлопал по свободному плетеному стулу. Винсент, ворча, поднялся и запрыгнул на стул.

– Я слышала, что это приبلудный пес.

– Так и есть. В третий и последний раз, Мартинелли, что вам нужно? – Длинными худыми руками Снейдер начал чесать пса, на что тот реагировал гортанными звуками.

Снейдеру было всего пятьдесят, но он всегда выглядел старше. Бывшая работа наложила на него свой отпечаток, да и отстранение от службы девять месяцев назад не пошло ему на пользу. Любой другой отдохнул бы за это время – но только не Снейдер. Узкие бакенбарды начинались у ушей и тонкой линией тянулись к подбородку. Контраст с лысиной и бледным лицом – казалось, оно не видело солнца много лет, – напоминал кадры из черно-белого фильма. Снейдер был единственным инородным телом в этом летнем ландшафте.

Тина подвинула к себе свободный стул и села.

– Что вы можете рассказать о Геральде Рорбеке?

– Он что-то натворил?

Это должно было прозвучать шутливо, но Тине было не до шуток. Она осталась серьезной.

– Это вы мне скажите.

– В архиве БКА хранится подробное личное дело каждого сотрудника. Загляните туда.

– Я уже это сделала. Геральду Рорбеку было пятьдесят – одного года рождения с вами, – и он двадцать пять лет проработал в БКА. Коллега старой закалки, мастодонт. У его жены был порок сердца, она умерла в прошлом году. С тех пор он воспитывал ребенка один.

– Разве вы не хотели рассказать мне что-то, чего я еще не знаю? – перебил ее Снейдер.

«Как пожелаешь!» Она расскажет ему то, чего он наверняка еще не знает и что она сама выяснила лишь через Центральную оперативную систему висбаденской уголовной полиции.

– Вчера вечером входную дверь Рорбека взломали отмычкой и силой вырвали из стены предохранительную цепочку. Один или два преступника проникли в дом и в упор застрелили его пятилетнего сына в гостиной из нелегального незарегистрированного оружия. – Тина сделала паузу. – Из имущества ничего не пропало.

Снейдер молчал. Он и до этого не моргнул глазом, когда она начала говорить о Рорбеке в прошедшем времени. Очевидно, он уже знал, что Рорбек покончил с собой.

– Сегодня Рорбек выехал на автомагистраль против движения, – продолжала она, – и покончил с собой, спровоцировав лобовое столкновение. Труп его сына все еще лежал дома. В пижаме. Он хранил его в детской. Криминалисты обнаружили на ковре между прихожей и гостиной следы крови, которые вели на второй этаж, в детскую комнату.

Снейдер молчал.

– Его остановили водители трех грузовиков. Рорбек погиб на месте.

– Ежегодно в Германии в результате суицида умирает более десяти тысяч человек и более ста пятидесяти тысяч предпринимают такую попытку. – Снейдер продолжал чесать пса щеткой, в его движениях было что-то медитативное.

– Черт возьми, Снейдер, вы такой бесчувственный! – вырвалось у Тины. – Один из ваших коллег покончил с собой!

– Каждый сам отвечает за свою жизнь.

– Я говорила с Майкснер. Она была на месте аварии и сделала фотографии.

– Майкснер... – пытался вспомнить Снейдер и замер на мгновение. – На третьем семестре ушла из академии. Сейчас работает в дорожной полиции, насколько я слышал.

– Правильно. Между прочим, прокуратура завела против всех трех водителей грузовиков уголовное дело, потому что их блокада была нелегальной.

Снейдер удивленно приподнял брови.

– Неужели?

– А, это вас интересует, да? Хорошо, что хотя бы здесь вы проявляете человеческие чувства. Скорее всего, трое мужчин предстанут перед судом, потому что их действия уголовно наказуемы и равносильны попытке убийства.

– Двое мужчин и одна женщина, – исправил ее Снейдер.

«Смотри-ка! – Тина ненадолго задумалась. – Он, как всегда, прекрасно информирован».

– Один из них лишится работы, – выдавила она из себя. – При этом трое всего лишь пытались предотвратить аварию с множеством жертв. Начался сезон отпусков и школьных каникул, и могло погибнуть гораздо больше людей. Для меня это акт гражданского мужества, но закон смотрит на произошедшее совсем по-другому.

– И сразу же подключилась прокуратура?

– Как-никак речь идет о погибшем сотруднике БКА. Даже если от него осталось мало, что можно идентифицировать. – Она сунула руку во внутренний карман ветровки. – Хотите взглянуть на фотографии Рорбека?

Он помотал головой.

– За время своей службы я видел достаточно изуродованных трупов, спасибо.

Тина все равно положила фотографии на стол.

Снейдер взглянул на них без каких-либо эмоций.

– И теперь вы здесь, потому что дело расследует БКА и вы хотите узнать от меня, что я думаю по поводу выходки Рорбека?

– Нет, черт возьми, вы отлично знаете, почему я здесь. – Она оставила фотографии лежать на столе, встала и сунула руки в карманы брюк.

– У вас есть еще одна галета для Винсента? – спросил Снейдер.

– Нет, галет больше нет. Я хочу узнать от вас, почему перед смертью Рорбек послал вам эсэмэску?

– Идиот не удалил ее?

– Нет, вероятно, перед самоубийством его волновало другое, – саркастически ответила Тина.

Снейдер кивнул.

– «Ты был прав. Прошлое настигает нас... Первое июня всех нас погубит. Прощай!» – Он дословно передал содержание сообщения.

– Что имел в виду Рорбек? – Она раздраженно покрутила кольцо-пирсинг в губе. – Кого погубит первое июня? И почему? Что еще случится сегодня?

– Кто сказал, что речь идет о сегодняшнем дне?

– Я... – Тина замолчала и задумалась. – Полагаю, он имел в виду сегодня, потому что вчера ночью застрелили его сына. Что вы об этом знаете? Кто мог проникнуть в его дом?

– Я ничего не знаю.

– Снейдер, не нужно быть специалистом по допросу, чтобы понять, что вы мне лжете. Что означает это сообщение, отправленное вам?

Снейдер отложил в сторону щетку для собак. Выражение его лица изменилось, как и тон.

– Мартинелли, до сих пор я был приветлив с вами, но это может измениться в любую секунду. Так как вы одна из моих бывших студенток – между прочим, лучшая наряду с Сабиной Немез, а вы знаете, как сложно добиться от меня комплимента, – я дам вам три хороших совета, которые не дал бы никому другому. – Он поднял три пальца. – Первый, единственный и последний совет: оставьте прошлое в покое!

– Какое прошлое?

– Мартинелли! Я не ясно выразился? – резко спросил он. – Откажитесь от этого дела! Оно вам не по зубам.

– Вы больше не работаете в БКА, – напомнила ему Тина. – На основе одного лишь подозрения в совершении преступления я могу вас вот так запросто... – она щелкнула пальцами, – без дальнейших доказательств и без судебного решения отправить в следственный изолятор и допрашивать в камере двадцать четыре часа. Да что там! Сорок восемь часов, если будет нужно!

– Да, можете, – спокойно ответил Снейдер.

– Вы знаете, что это означает. Никаких контактов, никаких прогулок во дворе, посетителей или телефонных звонков.

– Делайте, что хотите, но помните: я знаю все приемы и хитрости допроса. Некоторые я даже сам изобрел и доработал, и я гарантирую вам, что от меня вы ничего не узнаете. Дам вам все тот же совет, который повторяю сейчас последний раз и к которому вам лучше прислушаться. – Снейдер поднялся, надел пиджак и поправил запонки. – Не вмешивайтесь в это дело!

6. Четверг, 26 мая

Харди вышел из автобуса и направился вниз по улице. Перед ним лежала аллея с отцветшими вишневыми деревьями. В воздухе пахло летом. Слева и справа вдоль дороги стояли таунхаусы из кирпича с серой черепицей и гаражами. Ганновер-Бемероде. Уютный семейный район. Мало иностранцев, никаких наркоманов, вместо этого парочка лающих собак и детские велосипеды, прислоненные к забору. Откуда-то доносился запах древесного гриля.

Как мило!

Харди взглянул на снимок, на котором была изображена Лиззи, двое их ребятишек и он сам. Селфи, как сказали бы сегодня, сделанное перед фонтаном на торговой улице Висбадена. Близнецам было тогда четыре года. В параллельном мире, в котором многое произошло бы иначе, они могли бы жить в таком же районе, как этот. Счастливые, довольные и в безопасности. Но почти все пошло не так. Он выяснит причину. И Надин Поллак может помочь ему в этом. «Начинай там, где поражение будет наименее болезненным». И это именно здесь!

Харди сунул фотографию в джинсы и остановился перед домом номер четыре. Перед гаражом стоял элегантный белый «форд-куга», на зеркале заднего вида висел ароматизатор-елочка, а в багажнике стояла большая собачья клетка.

Краем глаза Харди заметил движение в окне дома. Он открыл садовую калитку и прошел по бетонным плитам к входной двери. Рядом вертелись крылья маленькой ветряной мельницы из дерева, а за высокой изгородью из туй слышался смех детей, которые, видимо, плескались в бассейне. Когда он был здесь последний раз – двадцать лет назад, – туй были еще тонкими и не больше полуметра высотой, а на соседских участках еще не построили дома.

Харди дошел до входной двери. Рядом с ковриком лежала дистанционно управляемая полицейская машина с погнутой антенной и современный скейтборд. В его время у скейтбордов было еще четыре колеса, а не два. Он позвонил в дверь, и в доме раздался гонг Биг-Бена. Вскоре дверь распахнулась.

– Привет, я... – радостно выкрикнула женщина, которая была примерно одного с Харди возраста, но выглядела значительно моложе.

– Привет, Надин, – сказал он.

– Я... – В следующую секунду ее улыбка исчезла. – Это ты? Что тебе здесь нужно? – Она закинула длинные светлые волосы за плечи. Нервно поправила бретельку обтягивающего топа в рубчик.

– Как дела, Надин?

– Я не стану приглашать тебя в дом, и будет лучше, если ты немедленно исчезнешь, потому что муж с дочерью появятся в любой момент.

– У тебя есть дочь?

– Да, ей тринадцать.

– Сложный возраст.

– Нет, не сложный. Она послушная и хорошо учится.

– В отличие от тебя, – констатировал он.

– Да, она не такая. Но и я изменилась. И мой муж хороший отец, который...

– Он знает о твоём прошлом, торговле наркотиками и...

– Нет, Харди. Пусть так и останется.

Он кивнул.

– Сколько ты уже на свободе? – спросила она.

– Шесть часов.

– Я так и подумала. – Она рассматривала его одежду. – Ты еще не ходил по магазинам.

– А также я еще ничего не ел, мне даже переночевать негде.

– Здесь ты не можешь остаться.

– Не волнуйся, Надин, я здесь не поэтому. – Он сунул руку во внутренний карман куртки и заметил, как тело Надин напряглось. Медленно он вытащил новую упаковку английских леденцов «Роки» с мятным вкусом. – Купил в автомате. Не думал, что они еще продаются.

– Ты всегда их любил.

– Двадцать лет не прошли бесследно. Сегодня у них другой вкус – или мои воспоминания меня подводят. – «В очередной раз». Он протянул ей пакетик. – Леденец?

Она на мгновение закрыла глаза и сделала глубокий вдох.

– Харди, оставь это! Пожалуйста, уходи!

Харди взял один леденец и убрал пакет в карман куртки.

– Надин, мне нужна информация.

– Я ничего не знаю.

– Ты даже не знаешь, что именно я хочу выяснить.

– Меня это не интересует. Я порвала с прошлым и живу настоящим...

– Лиззи и близнецы погибли двадцать лет назад. Заживо сгорели в нашем доме.

Надин колебалась.

– Я знаю.

– Я хочу найти их убийцу.

– Харди... – Надин коротко рассмеялась и нервно поправила волосы. – Ты сам их убил!

– Я? – повторил он. – Да ты сама в это не веришь. Я сидел из-за наркотиков.

– Не двадцать же лет! – Ее руки дрожали.

– Остальное на меня повесили.

– Кто?

– Это я и хочу выяснить. – По ее взгляду он понял, что она даже не пытается ему поверить.

– Харди, ты отсидел свой срок, теперь ты свободный человек. Просто...

– Ты знаешь, что я так не могу. Я найду убийцу Лиззи.

– Харди, я не хочу повторяться, то ты сам ее убил.

– Откуда ты это знаешь?

– Об этом писали газеты, о тебе говорили в ток-шоу, к тому же на интернет-форумах еще недавно можно было прочитать выдержки из твоего психиатрического заключения.

– Из какого? Их было два.

– Из официального.

– Да, официальное. – Он горько рассмеялся. – Его заказал суд. У присяжного эксперта, который специализировался на клинической психологии, вменяемости подсудимых и правдоподобности их заявлений. У него определенное реноме, и цена заключения была соответствующая.

– Почему ты его не обжаловал?

– Конечно, обжаловал, – пробурчал он. – Контрэкспертиза была проведена молодой девушкой-психологом, к которой обратился мой адвокат. Она была компетентна, но у нее не было шансов противостоять авторитетному психологу.

– Хм, не повезло. – В голосе Надин прозвучало недоверие. Она грустно посмотрела на него. – Ты еще принимаешь медикаменты?

Рука Харди сжалась в кулак. Его левое веко задергалось. Головная боль напомнила о себе, она, как штопор, медленно проникала через виски в мозг. Харди чувствовал, как на него накатывает агрессия.

– Здесь и сейчас неподходящий момент для твоих при ступов ярости, – прошипела Надин.

Спорить с ней было бессмысленно. Он знал, что не убивал. Харди медленно разжал кулак.

– Кто-нибудь передавал тебе для меня сумку?

– Что? О чем ты говоришь? – Едва заметно она помотала головой.

– Где моя сумка? – повторил он и шагнул через порог в прихожую.

Надин отпрянула, но сунула пальцы в рот и громко свистнула. Тут же забренчали колокольчики, и Харди услышал, как на верхнем этаже по паркету застучали собачьи когти.

В следующий момент вниз по лестнице сбежали два взрослых добермана и затормозили слева и справа от Надин. Это были роскошные собаки, которые тяжело дышали, высунув язык.

– Брут, Цербер, сидеть! – приказала Надин.

– Брут и Цербер? – со смехом повторил Харди. – Ты знаешь, что в тюрьме на меня однажды напала овчарка? Официально в Бютцове не было собак, неофициально – были. После одной попытки побега обыскивали все камеры. Для этого там используют собак. Один пес взбесился и напал на меня. Вцепился зубами в бедро, и я переломил ему хребет. Это совсем не просто сломать хребет взрослой собаке. Нужно удачно ее схватить, прижать тело к колену, а потом повалиться на нее всем весом. То, что это была самооборона, никого не интересовало. Они избили меня дубинками до бессознательного состояния. Конечно, общественность такого никогда не узнает – ведь официально там нет собак.

– Интересная история, но Брут и Цербер выдрессированные сторожевые собаки.

– Конечно. – Харди опустился на колени, чтобы глаза собак оказались на одном уровне с его глазами. – Привет, мои маленькие, – сказал он нежным тоном и показал псам свои пустые ладони. При этом он дышал быстро, по-собачьи.

– Харди, что это значит?

Он протянул руку к той собаке, которую принял за сучку. Животное оскалилось, обнажив клыки, но затем понюхало пальцы Харди и позволило почесать себя за ухом.

– Да-а-а, тебе это нравится, моя малышка.

Собака опустила на передние лапы, затем перекатилась на спину и подставила Харди шею и живот. Все это время другой пес не двигался, но смотрел на них и ревниво поскуливал.

– Кто эта малышка? – спросил Харди. – Брут или Цербер?

– Харди, спасибо за представление, но сейчас тебе лучше уйти.

– Где моя сумка?

– Я не знаю, о чем ты говоришь.

– Надин, моя сумка! – Он крепче схватил собаку за шею.

Глаза Надин расширились.

– Злой мальчик!

Видимо, эти слова означали команду, потому что собака тут же вскочила, прижала уши и оскалилась. Другой пес тоже обнажил зубы.

– Харди, не провоцируй меня! – пригрозила Надин.

Харди поднялся и вытер руки о джинсы.

– Я понял.

– Прощай!

Он перекатил конфетку из-за одной щеки за другую, потом разгрыз ее и почувствовал во рту острый вкус перечной мяты.

– Прощай.

Затем развернулся и пошел к садовым воротам. Надин проводила его взглядом и, когда он оказался на улице, закрыла входную дверь. Харди слышал, как она заперла замок и накинула цепочку.

Боже мой, Надин! В отличие от человека он никогда не смог бы причинить зла собаке, даже в целях самообороны. На самом деле история с обыском камер была другой. В тюрьме действительно использовали собак, но это он сам вцепился в глотку майору Кислингеру и одному из охранников и поэтому был избит.

Харди взглянул на наручные часы, потом посмотрел на автобусную остановку. «Психологическое заключение! Такое дерьмо!» Он не мог принять, что Надин действительно верила тому, что утверждали о нем эти придурки врачи. Но, вопреки опасениям, визит к Надин был не напрасным – кое-что никак не шло у него из головы. Возможно, он неправильно все интерпретировал – но в том, как она прогнала его, была какая-то странная неохота. И еще эта команда, которую она дала собакам: «Злой мальчик». Раньше они так называли одного человека. Он устраивал нелегальные собачьи бои и пичкал своих животных амфетаминами.

Харди сунул в рот еще одну конфетку и направился к своей следующей цели. К Отто Гедекеру, тому самому Злому Мальчику.

7

Сабина Немез прочитала сообщение на мобильном. Оно было от Марка Крюгера, ее коллеги из отдела технической экспертизы БКА, с которым она познакомилась в прошлом году на новогодней вечеринке БКА.

Марк был на год старше ее и ботан, как все компьютерщики, но настоящий профессионал в своем деле. К тому же у него были отличные связи с «Дойче телеком»², которыми он иногда пользовался. Путь был не совсем легальный, но, если выяснялось что-то интересное, она всегда могла задним числом запросить у прокуратуры судебное распоряжение.

В списке Марка она нашла звонки доктора Катарины Хагены – последний разговор вчера вечером состоялся в двадцать один тридцать. С ее стационарного телефона. Разговор длился двенадцать минут. Вскоре после этого, согласно предварительному патологоанатомическому заключению, она скатилась с лестницы в своем доме и осталась лежать на ступенях со сломанной шеей.

Сабина устала на телефонный номер. Она его помнила. Это был номер сотового телефона Анны Хагены, с которой Сабина разговаривала сегодня днем. О чем беседовали сестры? И почему Анна умолчала про этот телефонный разговор?

Сабина сейчас это выяснит. Она сидела в машине перед домом Анны Хагены, где они с коллегой договорились встретиться в двадцать один час. Было уже пять минут десятого.

Но сначала Сабина должна была узнать кое-что еще. Она позвонила в отдел технической экспертизы и попросила соединить ее с Марком Крюгером.

– Господи, я еще не закончил, – раздраженно пробурчал Марк, услышав ее голос.

– Я просто хочу знать, была ли Анна Хагена вчера вечером в Берлине.

– С помощью пеленгации телефона я могу лишь выяснить, где находился ее мобильник в определенный момент, если он был подключен к сотовой вышке, но не где была она сама.

– Я это и имею в виду.

– Мы, конечно, из БКА и иногда даже умеем творить чудеса... – Он сделал паузу и начал насвистывать вступительную мелодию из фильмов о Гарри Поттере. – Но для всего нужно время.

– Спасибо, Фродо.

– Но Фродо не...

– Я знаю. Позвони, как только что-нибудь выяснишь. – Она прервала связь, потому что не хотела пускаться в нудную дискуссию с Марком, и убрала телефон.

21:15.

Сабина вышла из машины и потянула спину. Хотя уже начинало смеркаться, жара все еще стояла невероятная. Кожа Сабины была покрыта испариной, которую сейчас охлаждал ветерок.

Вокруг головы Сабины кружились мошки. Она отмахнулась от насекомых и направилась к дому. Где-то поблизости стрекотали кузнечики. За городом было значительно прохладнее, чем в самом Висбадене, но здесь на тебя сразу накидывались надоедливые комары.

Сабина позвонила в домофон современного жилого дома напротив таблички Хагена.

Раздался щелчок.

– Алло? – ответил мужской голос.

– Это Сабина Немез, Федеральное ведомство уголовной полиции Висбадена, у меня встреча с Анной Хагеной.

– В настоящий момент ее нет дома.

– Можно мне подняться?

² Крупнейшая в Европе телекоммуникационная компания.

Нет ответа.

В следующий момент зажужжал дверной замок.

– Четвертый этаж, – раздался мужской голос из домофона.

Сабина проигнорировала лифт и побежала вверх по лестнице. Новые напольные плиты сияли в неоновом свете. Пахло силиконом и чистящими средствами.

На четвертом этаже в конце коридора открылась дверь. Худой тренированный мужчина средних лет, с черной бородой стоял, прислонясь к дверному проему. Из-за него с любопытством выглядывала девочка лет семи, с длинными светлыми волосами. Она была уже в пижаме и держала в руке зубную щетку. Сабина сразу заметила на ней темно-серый пластиковый каркас с ремнями, распорками и шарнирами, который начинался у стоп и доходил до самых бедер.

Сабина показала свое удостоверение.

– Я коллега Анны. Можно войти?

Мужчина все так же преграждал ей вход в квартиру.

– Анны нет. Я ее гражданский муж, но если речь идет о рабочих вопросах, то не могу вам ничем помочь.

Сабина внимательно изучила мужчину. Он был по крайней мере на восемь или девять лет моложе Анны.

– Где она?

– Вы разминувшись с ней. Анна была какое-то время дома, а потом снова уехала.

– Вы знаете куда?

– Она сказала, ей нужно ненадолго в бюро. – Он погладил дочь по волосам. – Иди в ванную, я сейчас приду, это быстро.

Девочка стояла как вкопанная.

– С мамой что-то случилось?

– Нет. – Сабина, улыбаясь, наклонилась к девочке. – У меня три племянницы твоего возраста. Как тебя зовут?

Девочка уставилась на нее.

– Что вам нужно от моей мамы?

– Поговорить с ней.

– Вы из больницы?

– Я? – Сабина удивленно наморщила лоб. – Нет, я мамина коллега.

– Иди уже! – велел ей отец.

– Спокойной ночи. – Девочка сунула зубную щетку в рот. – Меня зовут Анни, как маму. – Она развернулась и неуклюже заковыляла в своем каркасе вглубь квартиры.

От этого вида у Сабины сердце разрывалось. Она понизила голос:

– Я не знала, что у Анны такая маленькая дочь.

– Это моя дочь от предыдущих отношений. Мы с Анной вместе шесть лет. Мы не женаты, но Анни знает ее с младенчества, поэтому называет мамой.

– Это результат несчастного случая?

– Церебральный паралич.

– Мне очень жаль, – произнесла в ответ Сабина, хотя точно не знала особенностей болезни.

Очевидно, мужчина заметил это по ее взгляду, потому что оглянулся, чтобы удостовериться, что девочка скрылась в ванной, и лишь потом заговорил:

– При рождении ее мозг был поврежден из-за недостатка кислорода. Поэтому группы ее мышц работают неслаженно.

– А этот каркас...

– Ортез. Он активизирует мышцы и служит опорой Анни во время ходьбы. Но вы ведь не поэтому здесь?

– Нет. – Сабина сглотнула и заговорила еще тише: – Почему она так боится за свою мать?

– Анна была несколько раз в больнице, и Анни, видимо, услышала это, хотя мы хотели скрыть от нее. У Анны рак щитовидной железы.

О, черт! Беда не приходит одна.

– Ее работодатель знает об этом?

– БКА? Конечно. – Мужчина опустил взгляд. – Но Анна отказывается от химиотерапии и не хочет оставлять службу. – Он взялся за ручку двери. – Это все? Я должен позаботиться о дочери.

– Еще один вопрос. Анна была сегодня в Берлине? – В этот момент в подъезде погас свет. В квартире горела лампа, и Сабина видела теперь только силуэт спутника жизни Анны Хагены. Особенно бросались в глаза его широкие плечи.

– Да. Но она вернулась раньше, чем планировала.

– То есть?

– Она была здесь уже после обеда, но сразу поехала в морг. Вероятно, чтобы опознать сестру.

Трупы давно уже идентифицировали по одним лишь отпечаткам пальцев и ДНК, но Сабина решила промолчать.

На лестничной площадке открылась еще одна дверь, и свет упал в коридор. Муж Хагены никак не отреагировал, он словно смотрел сквозь Сабину в никуда.

– Можно мне все-таки войти и подождать Анну в квартире?

Мужчина помотал головой.

– Если хотите, можете подождать ее перед домом. Анна наверняка скоро вернется.

– На какой машине она ездит?

– На красной «тойоте».

Дверь на площадке закрылась, и снова стало темно.

– Спасибо. – Сабина дала мужчине свою визитку. – Пожалуйста, позвоните мне, когда она придет домой. Это важно. Спокойной ночи. И всего хорошего вашей дочери.

– Спасибо, доброй ночи.

Мужчине не позавидуешь. Он совсем замотался. Сабина развернулась и пошла вниз по лестнице. По дороге к выходу она набрала номер Анны Хагены, но тот был занят. Затем она позвонила вахтеру с главного входа в БКА, чтобы узнать, входила ли Хагена в здание. Он посмотрел в компьютере и ответил отрицательно.

«Так я и думала».

Несмотря на больного ребенка и смертельный случай в семье – в настоящий момент Сабина чувствовала, что осталась в дураках. Когда она вышла на улицу и вдохнула спертый теплый ночной воздух, зазвонил ее сотовый.

«Хоть бы это была Хагена». Сабина тут же ответила, но звонила не Хагена.

– Привет, это я, – сказал Марк Крюгер.

– А, ты, – разочарованно пробормотала она.

– «А, ты?» – передразнил он ее. – Я думал, ты ждешь моего звонка с нетерпением?

– Конечно, жду. Что ты выяснил?

– Так, сначала: Фродо из «Властелина колец»...

– Марк, пожалуйста!

– Ладно. – Он начал печатать на клавиатуре. – Вчера вечером, около половины десятого, Анна Хагена вела телефонный разговор.

– Это мы уже знаем – двенадцать минут, со своей сестрой, – перебила его Сабина. – Но где она находилась в это время?

– Ее сотовый был подключен к берлинской вышке, недалеко от улицы Курфюрстендамм.

– Курфюрстендамм длинная.

– У Мемориальной церкви кайзера Вильгельма.

Недалеко от которой проходила конференция по безопасности. Значит, Анна Хагена сказала правду.

– О'кей, спасибо.

– Тебе это помогло?

– К сожалению, нет, – вздохнула она.

– Если выяснится, что я изучал данные коллеги, тогда мне...

– Да все в порядке! От меня этого никто не узнает. Спасибо. Я твоя должница.

– Кино?

– Не против, только я сама выберу фильм. – Она положила трубку.

Теперь у нее было свидание, но так и не было ответа, на который она надеялась. Два вопроса по-прежнему оставались открытыми: о чем говорили обе женщины? И почему Анна не упомянула этот разговор?

Сабина направилась к своей машине. Вдалеке раздался гудок поезда и послышался металлический стук приближающихся колес.

Что-то во всей этой истории было не так – подсказывала ей интуиция, которая до сих пор редко ошибалась.

8

Анна Хагена сидела в своем автомобиле и смотрела через лобовое стекло на закат. Вокруг быстро темнело, приборная панель не подсвечивалась, а городские фонари были достаточно далеко и не отвлекали ее. Поочередно вспыхивали фары проезжающих мимо автомобилей и огни неоновой рекламы. Там жизнь еще шла полным ходом – взволнованная и суетливая, в отличие от душевного состояния Анны. С тех пор как решение было принято, она с каждой минутой становилась все спокойнее.

Наконец она повернула ключ зажигания, чтобы оживить приборную панель. Опустила боковое стекло и пустила в машину приятный свежий ночной воздух. В траве стрекотали кузнечики. Затем она коснулась дисплея телефона и пролистала телефонные номера. Выбрала сохраненный под аббревиатурой МСС.

После пятого гудка ответил голос с голландским акцентом:

– Снейдер.

– Привет, Мартен, это я.

– Анна? – Его голос звучал удивленно.

Таких эмоций она от Мартена Снейдера не ожидала.

– Как у тебя дела?

– А какими они должны быть? Мне не хватает работы. Но сейчас вопрос звучит скорее «как ты?» – Он сделал паузу. – Я слышал о смерти твоей сестры. Ты в Висбадене? Ты ведь не собираешься ко мне приехать?

– Нет, я еще в Берлине, – солгала она.

– Все равно я не лучший собеседник.

– И никогда им не был. Но сейчас я просто не знаю, с кем еще мне поговорить.

– О, какой комплимент. – Послышалось шипение спички, и Снейдер шумно затянулся сигаретой. – Между прочим, я посмотрел в Центральной оперативной системе, кто расследует смерть твоей сестры.

– У тебя есть доступ к данным? – Анна услышала шорох и представила, как Снейдер ухмыляется в клубах сигаретного дыма. Наверняка он натянул свою знаменитую презрительную улыбку.

– Конечно, у меня всегда были две учетные записи с паролями. Одну удалили после моего отстранения от службы. О другой никто не знал.

– Ты всегда был хитрым лисом. – Она задумалась. – А почему ты мне это сейчас рассказываешь?

– Думаю, в настоящий момент у тебя другие проблемы, нежели желание портить мне жизнь.

Она молчала.

– Делом занимается Сабина Немез, – сказал он.

– Я знаю, она хотела встретиться со мной.

– «Хотела»? – повторил он. – Но ты не хочешь говорить с ней, – предположил он.

Анна закусила губу. Снейдер всегда был проницательным.

– Ты угадал.

– Даже если ты убежишь от нее, она докопается до правды.

– Сомневаюсь.

– Ты ее недооцениваешь.

– Что она уже выяснила?

– Пока ничего, но я ее знаю, сам обучал два года и раскрыл с ней несколько сложных преступлений. Я знаю, как она работает. Если она вцепится в какое-то дело, то не отпустит, пока не раскроет его.

– Она ничего не знает!

– Рорбек и его сын тоже мертвы.

– Я в курсе.

– Тина Мартинелли расследует это дело.

– Ну и что?

– Анна, послушай меня! Мартинелли я тоже обучал. Обе выяснят правду.

– Нет! Каким образом?

– Не будь такой наивной. Их кабинеты рядом. Они не столь глупы, как ты думаешь.

– А хоть бы и так... – «Черт!» Анна посмотрела вверх и утерла слезу в уголке глаза.

– Ты ведь знаешь, кто убил твою сестру и сына Рорбека, – предположил Снейдер.

– Мы все это знаем.

Молчание.

Потом Снейдер шумно вздохнул. На заднем плане сопела и хрюкала собака.

– Некоторые из нас переступили тогда черту, – сказал он. – Было ясно, что когда-нибудь за это предъявят счет. Я всегда говорил, что рано или поздно правда станет явной.

– Это не обязательно. Мы можем и дальше молчать и отбиваться, – предложила Анна.

– «Отбиваться»? – пренебрежительно повторил Снейдер. – Шансов на успех чертовски мало.

– Знаешь... Со вчерашнего вечера я больше ни о чем другом не думаю. Есть ли у нас шанс? И если да, чего он нам будет стоить?

– Какой бы ни была цена, это безнадежно.

– Я это хотела знать.

– Ты поэтому мне позвонила?

– Да. Кстати, я пришла к тому же выводу, что и ты. – Вдали раздался гудок поезда. Анна коснулась дисплея. – Я должна закончить разговор. Прощай.

– Анна! Я...

Она прервала связь и выключила зажигание, чтобы подсветка панели приборов погасла и в салоне воцарилась полная темнота.

Через открытое боковое окно Анна слышала дребезжание сцепов и приближающийся грохот вагонов. Между деревьями мелькнул прожектор поезда.

Светофор замигал красным, и перед ее автомобилем опустился автоматический шлагбаум.

Поезд достиг поворота, и теперь свет фар локомотива падал прямо на перегороженный шлагбаумом железнодорожный переезд. На мгновение Анна закрыла глаза.

Десять, девять, восемь... считала она про себя.

Еще раз быстро взглянула в зеркало заднего вида. Автоматический шлагбаум за ее машиной тоже был опущен.

Пять, четыре, три...

В детстве они часто играли в зайчишку-трусичку на этом опасном железнодорожном переезде. Ни разу ничего не случилось.

Два, один...

В следующий момент поезд возник перед ней. Раздался визг аварийных тормозов, но они уже не помогут. На данном участке поезд развивал максимальную скорость.

Затем она услышала оглушительный хлопок, звук бьющегося стекла, скрежет металла – а потом ничего.

9

Звук экстренного торможения пронзил слух Сабины, словно визг работающей дисковой пилы. Такого шума она еще никогда не слышала.

Она тут же побежала от дома на возвышенность рядом с парковкой, где под козырьком стояли мусорные баки. Взобралась на один из них, а оттуда на крышу.

Она увидела, как в нескольких сотнях метров впереди поезд тащит перед собой автомобиль. Влево и вправо от рельсов в темноту разлетались искры. Несмотря на экстренное торможение, казалось, что поезд не замедляется. Автопокрышки уже горели, вероятно, воспламенилось и масло, потому что неожиданно огнем вспыхнули мотор и салон автомобиля.

Черт! Сабина спрыгнула с крыши и побежала вниз по холму к своей машине. Пока открывала дверь и садилась за руль, позвонила в скорую помощь. Разговор длился всего полминуты. За это время она завела машину и покатила в том направлении, в котором ехал поезд. Взглянув на навигатор, она сразу поняла, как проходили железнодорожные рельсы. На карте было одно место, к которому она могла подъехать на машине.

«Пожалуйста, развернитесь при первой возможности», – раздался голос Клауса Кински, который она давным-давно загрузила для своего навигатора и который автоматически хотел направить ее домой.

– Не сейчас. – Она нервно нажала на газ.

Из динамика раздался предупреждающий сигнал, потому что она не пристегнулась, но Сабина проигнорировала и его. Спустя минуту она доехала до дороги, которая шла параллельно железнодорожным путям. Хотя слово «дорога» было преувеличением. Скорее, узкая дорожка, по которой она к тому же ехала во встречном направлении. Сабина ускорила, потому что пока машин не было видно.

Включила дальний свет и нажала на газ. Машина затряслась по неровному асфальту. Кустарники закончились, и Сабине открылся полный обзор. В ста метрах перед собой она увидела поезд. Он наконец-то остановился вместе с охваченным пламенем автомобилем. Над местом аварии в ночное небо поднималось черное облако дыма. Машинист уже выбрался из локомотива, стоял рядом с пламенем, прикрывая лицо рукой, и говорил по телефону.

Сабине пришлось остановиться, потому что дорожка поворачивала и подъехать ближе к месту аварии было невозможно. Она припарковала машину на лужайке, чтобы не помешать пожарным, которые здесь скоро появятся, и выскочила наружу.

Огонь бушевал, и время от времени что-то взрывалось и лопалось с глухим треском, словно где-то наружу прорывался горячий воздух. Сабина побежала через кустарник к месту аварии, но ближе, чем на пять метров, подойти ей не удалось, потому что из горящего автомобиля вырывались длинные языки пламени. Сторона водителя была полностью сплюснута, в воздухе пахло резиной и горелой синтетикой: это в огне плавилась сиденья и пластик панели управления.

– Не подходите ближе! – закричал машинист. – Автомобиль может взорваться в любой момент.

Насколько Сабина знала, машины взрывались уже не так легко, как раньше, разве что возгоралась горючая смесь в почти пустом баке. Но бензином не пахло. Приставив ладонь козырьком к глазам, она осмотрела машину, но не заметила, чтобы из нее что-то капало.

– У вас есть в поезде огнетушитель?

– Да.

– Тогда несите его!

Мужчина исчез. Из открытых окон вагонов глазели пассажиры. Выйти они, к счастью, не могли, так как двери на открытом участке оставались автоматически запертыми. Иначе здесь бы было не протолкнуться от зевак.

Сабина подошла ближе к горящему автомобилю. Она не могла помочь. За рулем, зажатый между дверью и пассажирским сиденьем, сидел уже сгоревший человек.

Неожиданно Сабина почувствовала запах жженой кожи и волос. Ее затошнило.

Когда из машины раздался очередной глухой хлопок, она отошла на шаг назад.

В свете дрожащего пламени она увидела, что машиной, в которую врезался поезд и протащил перед собой по рельсам, была красная «тойота».

Теперь Сабина знала, кто была погибшая внутри.

10. Пятница, 27 мая

После беспокойной ночи в дешевом пансионе во Франкфурте Харди прибыл час назад на поезде в Рюссельсхайм-на-Майне. Городок располагался между Франкфуртом и Висбаденом, в двадцати минутах езды от каждого из них, и здесь Харди надеялся найти ответы на свои вопросы – а именно, у Отто Гедекера.

От одного бывшего заключенного, который освободился год назад, он знал, что Отто живет в одной из квартир в переулке Циглергассе. Но Злого Мальчика не оказалось дома. Соседка рассказала Харди, что в это время в выходные он всегда тренирует в боксерском клубе Микки на окраине города.

И теперь Харди стоял перед воротами бывшей фабрики, подняв солнцезащитные очки на волосы, и оглядывался. По обе стороны – ржавые разбитые машины и мелкая поросль, которая пробивалась сквозь трещины в асфальте и между заброшенными железнодорожными путями. Безотрадная местность.

Здание было серого цвета – просто пыльно-серого цвета, от фундамента до самой крыши. Оконные мозаичные стекла были местами выбиты, а кирпичная дымовая труба наверняка уже лет двадцать как не действовала.

Над воротами висела табличка: «Боксерский клуб Микки».

Больше ничего, просто «Боксерский клуб Микки». Но то, как это было написано – черными буквами на большой жестяной табличке, – производило почти устрашающее впечатление.

Харди распахнул ворота и вошел. Внутри пахло маслом, металлом, спертый воздухом и потом. Сразу за входом на полу стоял старый радиоприемник. Слева располагались кабинки и душевые, темный проход посередине вел в зал. Оттуда доносилось сопение и семенящие шаги.

Он направился по проходу и через открытую противопожарную дверь вошел в зал. Внутри здание выглядело таким же запущенным, как и снаружи. Это вам не современный фитнес-зал с зеркалами во всю стену и тренажерами по кругу.

Публика состояла преимущественно из мужчин в возрасте между тридцатью и пятьюдесятью. Некоторые отрабатывали удары кикбоксинга на боксерских мешках, другие тренировались в парах или колотили по грушам, прикрепленным крюками к потолку.

В середине располагались три боксерских ринга. Два были заняты. В одном как раз шел бой, во втором тренер обучал двух мужчин и двух женщин. Так как музыка в зале не играла, сопение и удары были отлично слышны. «Прикрывайся, уклоняйся, апперкот!» Многому из этого Харди сам научился в тюрьме. Правда, спортзал в Бютцове был намного удобнее этого сарая, где плата наверняка принималась только наличными.

– Я ищу Отто! – крикнул Харди мужчине и женщине, которые прыгали со скалкой рядом.

– На ринге, – тяжело дыша, ответила женщина.

– Спасибо. – Харди подошел ближе. Невероятно! Тренером действительно был Отто.

Отто поправился на несколько фунтов, а его грудная клетка, и без того всегда широкая, сейчас выглядела особенно мощной. На нем была майка без рукавов с большим вырезом, широкие черные трусы до колен, спортивные гетры и боксерки. Пот стекал по его седой груди. У Отто появилась лысина, а на шее красовалась татуировка. Издали два больших черных круга выглядели как уши мыши из комиксов, и, когда Харди подошел ближе, он увидел, что на спине, плечах и шее Отто действительно была поблекшая старая татуировка Микки Мауса.

«Ну дела!»

Харди встал у оградительных канатов, поднял глаза к рингу и сунул в рот мятный леденец. Он ждал, когда Отто окажется вблизи него.

– Смотри не вымотайся, Отто, – заметил он между прочим.

Мужчина остановился, вытер рукой пот с бровей и взглянул вниз.

– Не может быть, они тебя выпустили? – пробормотал Отто. – Трусливого убийцу женщин и детей?

Харди проигнорировал оскорбление.

– Вчера утром.

Отто выплюнул капю на пол.

– И ты сразу ко мне?

– Не совсем, до этого я был у Надин.

Взгляд Отто помрачнел.

– Жаль, что ее собаки тебя не разорвали.

Мужчины и женщины, которых тренировал Отто, тоже остановились, прислушивались к разговору и скептически разглядывали Харди.

– Нам продолжать, Микки? – спросил один из них.

Отто помотал головой.

– Сделаем пятиминутный перерыв, мне нужно поговорить со старым приятелем.

– Микки? – повторил Харди.

– Да, новое имя.

– Только не говори, что эта жалкая халупа принадлежит тебе.

– Да, эта жалкая халупа принадлежит мне, козел! Поднимайся, и я покажу тебе, чем мы тут занимаемся.

– Спасибо, сегодня я не в настроении. – Харди сунул руку в карман и достал коробочку с леденцами. – Хочешь мятный леденец?

Отто проигнорировал вопрос.

– Что тебе здесь нужно?

– А ты сам поразмысли!

– Мыслитель из меня никакой. Убирайся отсюда!

– Что ты знаешь о смерти Лиззи? – спросил Харди.

– Что она на твоей совести, больной убудок.

«Неужели опять началось?»

– И ты так думал целых двадцать лет?

– Какая тебе разница, что я думаю? В любом случае я не хочу говорить с тобой об этом, и поэтому убирайся отсюда, а то тебе не поздоровится. – Отто скорчил угрожающую гримасу.

«Это что, угроза?»

– Ну что, значит, не поздоровится. – Харди решительно посмотрел на Отто. – Думаешь, меня это остановит? Если не хочешь говорить со мной, тогда тебе придется выволочить меня отсюда за ноги.

– Ладно, дерьмо собачье... – Отто оглядел его. – Я сделаю тебе предложение. Ты вроде в хорошей форме. Поднимайся, и мы проведем один раунд. За каждый удар, который ты сможешь нанести, я буду отвечать на один вопрос.

– А если я облажаюсь?

– Залижешь раны и уберешься, и чтобы я тебя здесь больше никогда не видел.

Харди помотал головой.

– Ты серьезно? Ты на десять лет меня старше, а я в тюрьме не только сидел на заднице и клеил пакеты.

– Тем лучше. Тогда поднимайся на ринг и покажи мне!

Харди скинул куртку и забрался на ринг.

– Хо, хо! – воскликнул Отто. – Не подумал бы, что у тебя хватит смелости. Твое тело выглядит неплохо. Будет интересно. Эй, ребята, расступитесь. Мы с Харди сейчас покажем

вам, что такое настоящий бокс. – Он повернул голову в сторону. – Эй, Марко! Принеси пару перчаток!

Спустя пять минут Харди стоял на ринге с капой и в боксерских перчатках, которые принес один из спарринг-партнеров Отто. К этому времени тренировки в зале прекратились, и большинство посетителей стояли вокруг ринга и ждали, что будет происходить наверху.

– Разогреешься? – спросил Отто.

– Не нужно, – сказал Харди и поднял руки. Боксерские перчатки были гораздо легче тех, что он использовал в тюрьме. Тем не менее...

Первый удар пришелся ему в висок. Он видел кулак Отто, но слишком поздно среагировал. В следующий момент он уже лежал на полу и слышал, как щебечут птички.

– О, черт! – засмеялся Отто. – У тебя реакция, как у мертвого опоссума.

«Да, и этот мертвый опоссум надерет тебе сейчас задницу!» Харди поднялся и повертел головой, чтобы размяться. Его шейные позвонки захрустели.

Отто не переставал подпрыгивать перед ним, пружиня ногами.

– Что ты хотел знать?

Прикрываясь кулаками, Харди подошел ближе.

– Что ты знаешь о смерти Лиззи? – прошепелявил он в капе.

Ответа не последовало.

– Тебе кто-нибудь передавал для меня сумку? Отто усмехнулся.

– Ответ за удар.

Харди подошел ближе и сразу ударил Отто в подбородок, но тот успел увернуться, и удар Харди пришелся в пустоту. В тот же момент Отто заехал ему кулаком в ребра, так что у Харди перехватило дыхание.

Черт! Он недооценил Отто. Несмотря на возраст, тот был юрким, а его руки по-прежнему обладали силой паровоза. И очевидно, что Отто не шутил. Но и Харди еще мог поднатужиться.

Поэтому он сконцентрировался, переступал с ноги на ногу перед Отто, уворачивался от его ударов, изучал его движения и пытался понять, где его слабое место.

– Уложи его, Микки! – крикнул кто-то.

– Не беспокойтесь, можете уже вызывать скорую, – ответил Отто, не отрывая взгляда от Харди.

Харди пытался уловить момент, когда Отто ослабит бдительность, но, даже разговаривая со своими людьми, тот ни на секунду не упускал противника из вида.

Спустя еще минуту, Харди перешел в наступление. Удар правой – Отто увернулся, снова мимо. Харди тут же выкинул вперед левую руку, но Отто успел прикрыться. Харди попытался сделать апперкот, но Отто в последний момент отскочил в сторону, так что Харди снова промахнулся.

«Как же этому старперу везет!»

Следующая комбинация Харди будет быстрее. Несколькими ловкими ударами он оттеснил Отто в угол. Теперь он стоял там, где Харди и хотел. Харди чувствовал, что следующим ударом отправит Отто в нокаут, но тут Отто откинулся на оградительные канаты.

Краем глаза Харди заметил движение и вдруг почувствовал боль. Отто пнул Харди ногой в колено. По ощущениям ему словно молотком вышибло коленную чашечку. «У Отто что, обувь с металлическими носками?»

Харди согнулся, отвлекся на мгновение и, прежде чем успел среагировать, получил удар по почкам.

– Черт! – выдавил он и скорчился.

Очевидно, Отто знал, что в долгосрочной перспективе у него нет шансов против Харди, если драться честно. Но и Харди научился в тюрьме парочке подлых приемов.

Он хотел симитировать прямой удар, а вместо этого врезать Отто снизу чуть выше пояса. Но Отто пнул его во второй раз. На этот раз сбоку в подколенную впадину, и Харди тут же осел и ударился коленом о настил.

Отто сразу оказался над ним и, не успев Харди подняться, ударил ему в челюсть так, что Харди на пару секунд потерял сознание.

Нокаут!

Харди снова начал мыслить ясно, лишь когда открыл глаза и понял, что лежит на полу. Он подвигал челюстью туда-сюда. Защитная капя выпала, и он ощутил привкус крови, когда языком провел по деснам.

– Сволочь! – выдавил он.

– Да, мы здесь вот так боксируем. Мой боксерский клуб – мои правила. Наверное, нужно было тебя предупредить. Но в тюрьме вы наверняка делаете то же самое.

Он ногой подтолкнул ему к лицу бутылку воды, потом присел на корточки.

– Харди, – тихо прошипел он. – Тебе сейчас лучше убраться отсюда. – Отто поднялся. – Кто-нибудь, развяжите мне перчатки. На сегодня с меня хватит.

Харди со стоном поднялся, подождал, пока один из учеников Отто расшнурует ему перчатки, и просунул их между оградительными канатами.

Потрогал подбородок и ребра. Черт возьми! Одно ребро болело при дыхании и, наверное, треснуло. Нужно было сразу бить Отто по яйцам, а потом выколотить из него все мозги.

Харди сплюнул кровь на пол и, кряхтя, надел куртку.

– Fanculo!³ – выругался один из спарринг-партнеров Отто.

– Марко, закрой рот и вытри это! – крикнул Отто и сунул руку в боковой карман своей спортивной сумки, которая стояла на полу рядом с рингом. Вытащил что-то и сразу спрятал в кармане брюк. – А теперь проваливай! – Он хотел схватить Харди за предплечье и, видимо, потащить к выходу, но Харди поднял руку в оборонительном жесте.

– Спасибо, я сам найду выход.

Отто последовал за ним по залу и коридору к выходу. Прежде чем Харди вышел через ворота на улицу, Отто взглянул на потолок, где висела тусклая лампочка, света от которой как раз хватало, чтобы в темноте не удариться головой о навесные полки.

– Я не могу ответить на твои вопросы, потому что знаю лишь то, что писали в газетах, – сказал Отто, не отрывая взгляда от лампочки.

Харди тоже посмотрел вверх.

– Что?..

– Проваливай к черту! – крикнул Отто.

Харди молчал. Как там говорили в тюрьме? «Настоящие друзья бросают тебя, лишь когда запахнет жареным». И его это, очевидно, особенно касалось.

– Это единственный совет, который я могу тебе дать, слышал? – Отто сунул руку в карман боксерских трусов и вытащил оттуда сжатый кулак.

Харди увидел, что в руке он держит кастет. Но металлические кольца не были надеты на пальцы. Наоборот. Отто протянул Харди раскрытую ладонь и продемонстрировал кастет. С одной стороны у него был остро заточенный внешний край.

«С ума сойти! Это же мой старый кастет!»

На мгновение Харди показалось, что Отто молча указывал на свою ладонь. «Бери уже!»

Ничего не говоря, Харди схватил металлическую вещицу и сунул в карман брюк.

– Больше никогда здесь не появляйся.

³ Пошел ты! (ит.)

Харди вышел на улицу, встал перед фабрикой и заморгал на палящем солнце, от которого дрожал горячий воздух над асфальтом. Он вытащил из кармана куртки солнечные очки и подождал, пока Отто закроет за ним ворота.

Он еще выяснит, почему Отто так странно себя вел. Похоже, здесь, на свободе, все немного сложнее, чем он думал. Во всяком случае, теперь Харди направится к тому, от кого в свое время получил этот кастет. Его бывшая правая рука: Антуан Томашевски.

11

Диана Хесс открыла дверь ресторана и вышла на улицу. Ночь была душной, но свежий воздух все равно был приятной альтернативой жаре и шуму внутри.

Трех часов разговоров с министром внутренних дел и главным прокурором с нее пока достаточно. Ей слишком часто приходилось удерживаться от комментариев, потому что Дитрих строго смотрел на нее. Сославшись на головную боль, она извинилась и вышла на улицу, чтобы подышать свежим воздухом.

Снаружи к ней тут же подошел мужчина в темном костюме с телефонной гарнитурой в ухе – лишь по ней можно было догадаться, что это полицейский в штатском.

– Все в порядке, фрау Хесс?

– Спасибо, Виктор. – Она улыбнулась. – Решила немного размять ноги.

– Вам лучше...

– Нет, все в порядке.

– Мне вас сопроводить?

– Спасибо, не нужно. Я не сбегу. – Она снова улыбнулась.

Мужчина сделал шаг назад и снова встал перед черным автомобилем, который был припаркован прямо перед входом в ресторан.

Диана накинула на плечи палантин и направилась вниз по улице.

Половина одиннадцатого ночи. Местность словно вымерла. Диана пересекла улицу и добралась до моста, который шел над железнодорожными путями. Она проигнорировала табличку «стройка» и заградительную ленту и вошла на мост. На противоположной стороне находился парк, но освещения на мосту не было, поэтому вряд ли там кто-то гулял. Диане это было на руку: она искала покоя и тишины.

Внизу прогрохотал поезд, и конструкция из металлических балок над ней подозрительно завибрировала. Из воздушной линии электропередачи посыпались искры. Диана замерла и проводила взглядом быстро удаляющиеся огни поезда, который, издав резкий гудок, исчез в темноте. Странно, но на этом отрезке вдруг появилось очень много проходящих составов. Очевидно, ранее произошел какой-то сбой в движении поездов.

Диана оперлась о перила и вытащила из сумочки пачку сигарет. Если курить так редко, как она, то никотин обычно помогал от головной боли. Никотин и кофеин. Эспрессо она уже выпила. Теперь зажгла сигарету, глубоко затянулась и наблюдала за дымом, который рассеивался в ночи.

Потом она посмотрела в сторону улицы и ресторана. Отсюда его было почти не видно, лишь мерцание световой рекламы.

Вести светские беседы, улыбаться, шутить, снова улыбаться, кивать и время от времени говорить свое мнение, если оно в точности совпадает с мнением ее мужа. Все это становилось невыносимым. Как же ее от этого тошнило! Самое время уехать из Висбадена и переселиться на Балтийское море.

Она часто думала о том, как сложилась бы ее жизнь, не выйди она замуж за Дитриха Хесса и воспитай старшего сына одна. Это было бы возможно. Конечно, она лишилась бы многих чудесных часов и пропустила интересные приемы. Вероятно, никогда не занялась бы благотворительностью, – но зато ее миновали бы и многие страдания. Как и информация, которую она вообще-то не должна была – да и не хотела – знать. Но если ты жена президента БКА, и к тому же не дура, этого очень тяжело избежать.

«Зачем об этом размышлять? Уже ничего не изменить! Думай позитивно и живи своей жизнью». К тому же ей пора вернуться, пока Виктор или кто-нибудь другой из личной охраны не начали нервничать.

В этот момент зазвонил ее сотовый. На дисплее отобразился номер Виктора.

– Привет, Виктор, – ответила она.

В трубке хрустнуло. На мгновение она испугалась, что сейчас услышит не Виктора, а чей-то чужой измененный голос. «Виктор мертв! Ваш муж у нас!»

Ее сердце забилось сильнее. Но затем на другом конце раздался знакомый голос:

– Где вы? У вас все в порядке?

«Господи, это Виктор. У меня настоящая паранойя!»

– Да, все в порядке. Я на железнодорожном мосту и скоро приду.

– Не задерживайтесь.

– Да... мне просто нужно немного свежего воздуха.

– Я выкурю еще одну сигарету, затем пойду вам навстречу.

– Если хотите... спасибо. – Вздохнув, она окончила разговор и положила сотовый в сумочку. Затем щелчком выбросила сигарету через перила на железнодорожные пути и уже хотела идти, как увидела, что на мосту перед ней кто-то стоит. На расстоянии нескольких метров. Мужчина среднего роста, с широкими плечами, который смотрел на нее. Виктор?

– Значит, вы все-таки пошли за мной? – спросила она.

Ответа не последовало.

Мужчина подошел ближе, и в свете проезжающего мимо поезда она разглядела его лицо.

В тот же миг во рту у нее пересохло, пальцы заledenели.

– Вы! – вырвалось у нее.

На мужчине были джинсы и кожаная куртка.

– Добрый вечер, фрау Хесс. – Его голос звучал хрипло и сухо.

– Томас Хардковски, – испуганно произнесла Диана. – Харди, боже мой, на кого вы похожи! – Ее сердцебиение ускорилося. – Вам нужен врач.

– У меня все хорошо, – ответил Харди.

На его губе запеклась кровь, щека и глаз опухли, как после сильного удара. И нос, казалось, тоже недавно сломали.

Диана хотела полезть в сумочку, но Харди повысил голос:

– Не надо! Вам не нужен ни сотовый, ни пейджер, ни газовый баллончик, я вам ничего не сделаю! Если вы со мной поговорите!

Она вытащила руку из сумки.

– Сколько вы уже на свободе?

– Семь дней, и это было нелегкое для меня время.

– Это видно, – заметила она. – Как вы меня нашли?

– Я следую за вами уже целый день.

– Я знала, что однажды снова встречу с вами, – как можно спокойнее произнесла она, но заметила, что вдыхает все больше воздуха и никак не может выдохнуть. Ее грудь болезненно напряглась. – Я знаю, что ваша жена и дети тогда погибли. Поверьте, мне ужасно жаль, что это случилось.

– Они сгорели заживо...

– Харди, я знаю.

– Их убили... но это был не я, – заявил Харди, и в его голосе прозвучало столько гнева и горечи.

– Если вы убеждены в том, что говорите, вам нужно попытаться решить все законным путем.

– Законным путем? – с горечью повторил он. – Я больше не собираюсь тратить на это время. – Он так крепко вцепился в металлические перила, что у него побелели костяшки пальцев. – Я задам лишь один вопрос, и вам лучше дать мне правильный ответ.

Диана сглотнула и попыталась незаметно покоситься в сторону ресторана. Может, охранник уже направлялся к ней?

– Я постараюсь. Что вы хотите знать?

– Как мне встретиться с вашим мужем?

12

Сабина поднималась на лифте на четвертый этаж здания БКА, где находился ее кабинет. Лишь в узкой кабине она заметила, как сильно ее волосы и одежда пропахли гарью. Глядя в зеркало, она поняла, почему вахтер на входе так ошарашенно на нее смотрел.

Ее волосы склеились и лоснились от сажи, на лице были черные разводы, которые она еще сильнее размазала руками по лбу и щекам. «Просто жуть!»

Двери лифта открылись, и Сабина прошагала в свой кабинет. Там она достала зарядку для ноутбука и мобильный, снова заперла дверь и направилась вниз по коридору.

Дверь в кабинет Тины Мартинелли стояла нараспашку. Внутри горел свет, но Сабина не заглянула в комнату, а торопливо проследовала мимо. Было половина одиннадцатого ночи, а в таком грязном виде ей не хотелось разговаривать с кем бы то ни было. Скорее домой, сунуть одежду в стиральную машину, а самой прыгнуть под душ. Вставить в плеер DVD и навсегда стереть из памяти вид обугленных рук Анны Хагены и ее обожженного лица.

– Что с тобой случилось? Ты дерьмово выглядишь.

Сабина остановилась и обернулась.

Тина стояла в дверном проеме и смотрела ей вслед.

– Первое место в конкурсе красоты тебе не занять.

– Тебе тоже, – ответила Сабина. Тина носила пирсинг на губе и в носу, а ее черные волосы торчали в разные стороны. К тому же она выглядела уставшей. – У меня был тяжелый день.

– Это видно, – сказала Тина. – У меня тоже день был не лучше.

– Расскажешь мне завтра, спокойной ночи.

– Там нечего рассказывать. Я была у Снейдера, но он отшил меня, как новичка в первый день работы в патрульной полиции.

– Ты была у Снейдера?

Тина кивнула. И неожиданно достала из-за спины бутылку бурбона.

– Может, откроем и поговорим? – Она соблазнительно покачивала бутылкой в воздухе.

– У меня в горле пересохло.

Тина засмеялась.

– Тем лучше. Входи, я дам тебе влажные салфетки, чтобы ты вытерла свою страшную физиономию.

И это говорила Тина, со своим металлом на лице, бритыми и татуированными бровями и татуировкой в виде скорпиона и паутины на шее. В таком виде Тине разрешили работать в БКА лишь благодаря настойчивости Снейдера и ее незаурядным успехам в академии.

Сабина вошла в кабинет Тины, и ее коллега выдвинула ящик стола, который был полон мини-упаковок мыла и освежающих салфеток.

– Это я насобирала в прошлом году в самолетах и отелях.

Сабина вытерла руки и лицо.

– Ты воруешь? Этому ты тоже у Снейдера научилась?

– Нет, я всегда так делала.

– И такие люди работают в БКА. – Сабина улыбнулась. – Ты когда-нибудь думала, что мы будем так много путешествовать?

– Нет, но я надеялась, что нам, по крайней мере, дадут просторные кабинеты. – Тина открыла бутылку и налила Сабине и себе по полбокала. – За здоровье!

– За здоровье. – Сабина одним махом осушила свой бокал и смыла всю копоть, которая въелась ей в горло. – О, это... – На глазах у нее выступили слезы.

Тина засмеялась.

– Еще?

– Спасибо, не надо, – прохрипела Сабина.

– Я часто вспоминаю время учебы в академии, – мечтательно произнесла Тина. – Не поверишь, с кем я сегодня разговаривала.

– Со Снейдером? – подколола ее Сабина.

– Да, хитрюга, а до этого? С Майкснер. Она сейчас работает в дорожной полиции.

Тина рассказала о своем разговоре с Майкснер, несчастном случае на автобане, раздавленном «ауди», трупe Геральда Рорбека, его убитом сыне, его эсэмэс Снейдеру, загадочном разговоре с голландцем и его предупреждении отказаться от расследования.

– Рорбек ведь живет... жил в Висбадене, – исправилась Сабина, после того как Тина закончила рассказ. – Что он делал в это время на автомагистрали в районе Буцбаха?

– Согласно его GPS-трекеру, он всю ночь разъезжал на машине.

– Несмотря на то, что этой же ночью застрелили его сына? – спросила Сабина.

– Возможно, именно поэтому, – размышляла Тина. – А теперь ты расскажи, почему выглядишь как трубочист.

– Анна Хагена, наш преподаватель и коллега, покончила с собой в машине на железнодорожных путях. Автомобиль полностью выгорел, я случайно оказалась на месте происшествия, а потом еще час давала свидетельские показания полиции. Но многое я им просто не могла рассказать.

Тина подняла бровь.

– Например?

Сабина поведала о предположительном убийстве адвоката Катарины Хагены, таинственном телефонном разговоре обеих сестер, своем визите к Анне Хагене и еще раз во всех подробностях описала место происшествия на железнодорожных путях.

– *Porce putanna!*⁴ – выругалась Тина и налила им еще по бокалу. – Двое коллег кончают жизнь самоубийством в один день.

– А накануне у обоих убили члена семьи – сына Рорбека и сестру Хагены.

– Совпадений не бывает! – хором сказали Тина и Сабина с голландским акцентом. Это предложение Снейдер вдалбливал им в голову на протяжении нескольких лет.

– Кто или что может стоять за этим? Изогранный киллер, который доводит людей до самоубийства? – предположила Сабина.

– Маловероятно, но не исключено, – пробормотала Тина. – Рорбек один воспитывал ребенка, а его пятилетнего сына застрелили. Понимаю, почему ему не хотелось больше жить. Но с какой стати такая карьеристка, как Хагена, кончает с собой? У нее была образцовая карьера, высокая раскрываемость, к тому же она преподавала в академии. Что могло выбить такую женщину из колеи?

– Я тоже задаюсь этим вопросом. – Сабина подумала о разговоре с гражданским мужем Хагены. Один лишь рак щитовидной железы не мог быть причиной. Конечно, это тяжелое заболевание, но тот, кто решительно шагнул по жизни, не мог вот так внезапно сломаться, тем более при таких странных обстоятельствах. – Возможно, смесь страха, тревоги, отчаяния, стресса и депрессии, и она просто не видела иного выхода, – размышляла Сабина. – Но ведь Хагена всегда точно знала, чего хочет. В девятнадцать лет она с отличием окончила школу, с первого раза выдержала вступительный экзамен в БКА, отучилась три года, начала работать комиссаром уголовной полиции в Департаменте БКА по борьбе с наркотиками, затем перешла в отдел, занимающийся расследованием сексуальных преступлений над несовершеннолетними и...

– Что? – перебила ее Тина. – Когда она работала в департаменте по борьбе с наркотиками?

Сабина припомнила резюме Хагены.

– Полагаю, сразу после учебы, когда ей было чуть больше двадцати.

⁴ Твою мать! (*ит.*)

Тина вскочила и принялась рыться в бумагах на своем письменном столе.

– Черт меня побери! Рорбек начал свою карьеру в том же департаменте.

– Ну и что? Многие там начинали.

– В каком отделе она была?

Сабина подумала.

– РПН, если не ошибаюсь.

– Как и Рорбек, – подтвердила Тина. – Кстати, что означает эта аббревиатура?

– Понятия не имею.

– В любом случае они были коллеги и знали друг друга уже давно.

– Тина, я тебя умоляю! В БКА работает более пяти тысяч человек. Было бы совпадением, если...

– Да, сейчас! – перебила ее Тина. – Но тогда сотрудников было еще не так много. Оба принадлежали к старой гвардии. Это были настоящие мастодонты, из которых мало уже кто здесь работает.

Как и Снейдер!

– Возможно, но нам это не поможет. – Сабина посмотрела на распечатку эсэмэс Рорбека Снейдеру, которая лежала на столе Тины. Она взяла лист и прочитала сообщение: – «Прошлое настигает нас. Первое июня всех нас погубит», – пробормотала она. – Что должно было случиться первого июня? Думаешь, он знал, что Хагена покончит с собой?

– Может быть. Во всяком случае, Снейдер намекнул, что это как-то связано с прошлым.

Сабина подумала.

– Когда именно застрелили сына Рорбека?

– Вчера, около девяти вечера.

– А Катарину Хагену столкнули с лестницы вчера в десять вечера, – размышляла Сабина. – Где именно жил Рорбек?

– На юге Висбадена. – Тина назвала ей улицу.

– Подожди-ка. Это не так далеко от дома Катарины Хагены. Она жила на Брайтештрассе, к северо-западу от Майнца. – Сабина схватила мобильный, открыла планировщик маршрутов и ввела данные. – Их дома находятся недалеко друг от друга, в девяти минутах езды на машине.

– И что это означает? Один и тот же убийца нанес визит сначала Рорбеку, а затем Хагене?

– Возможно. – Сабина закрыла программу, встала и напечатала эсэмэс. – Я запрошу данные по последним телефонным разговорам Анны Хагены до ее столкновения с поездом.

– Это так просто?

– Когда у тебя есть нужные связи.

Тина вопросительно посмотрела на нее.

Сабина на секунду подняла взгляд.

– Марк Крюгер из отдела технической экспертизы – он супер.

– А-а-а! – воскликнула Тина. – Похоже, что-то намечается?

Сабина нахмурилась.

– Даже не думай. – Она отправила сообщение. – Так, теперь мне нужно принять душ и выспаться. Поговорим завтра. А после я нанесу визит Снейдеру. Похоже, он что-то знает.

– Можешь не стараться. Verdomme! – передразнила Тина его акцент. – Он не сказал мне ни слова кроме того, что я должна отказаться от расследования.

– Чего мы, разумеется, не сделаем. – Сабина попыталась улыбнуться.

Тина тоже поднялась.

– Конечно, мы раскроем эти преступления...

– И покажем Снейдеру, чему мы научились. – Сабина и Тина ударили по рукам, затем Сабина направилась к двери. – Спасибо за бурбон.

– Это подарок Снейдера на окончание академии.

Сабина скривилась.

– Мне он подарил диктофон, – все-таки странный тип.

– Да, странный. Можно тебя кое о чем спросить?

Сабине стало не по себе. По серьезному тону Тины она уже догадывалась, о чем пойдет речь.

– Конечно.

Тина прочистила горло.

– Как это было, когда Снейдер застрелил того мужчину?

– Мы ведь уже говорили об этом, к тому же ты знаешь мои свидетельские показания.

– Ну конечно, свидетельские показания! – Тина посмотрела на нее взглядом, который говорил «Не надо меня дурачить!». Затем продолжила полусшепотом: – У того типа правда было оружие или вы со Снейдером подкинули ему пистолет, чтобы все выглядело так, словно Снейдер действовал в целях самообороны?

– Что бы ты сейчас ответила на моем месте?

– Значит, подкинули?

Сабина поняла по взгляду Тины, что та догадывалась о правде.

«Да, черт возьми, все было не так, как я рассказала в суде». Но она ни за что и никому в этом не признается, даже Тине, даже спяну и в безопасном, неприслушиваемом помещении.

На мгновение перед глазами Сабины снова возник угнетающе тесный зал в висбаденском Земельном суде. Она ощутила запах дерева, услышала бульканье батарей и увидела кафедру с судьями в черных мантиях, стенографистку, которая старательно печатала, стоических полицейских у выхода и прокурора, который занимался делом Снейдера...

Помещение оказалось меньше, чем она предполагала, с темными паркетными полами и строгими белыми стенами, на которых висело лишь распятие. В окна светило полуденное солнце и отражалось в жестяных подоконниках.

Снейдер сидел за столом, он отвернул микрофон в сторону и наблюдал за происходящим своим орлиным взором. Как всегда, на нем был дизайнерский костюм и белоснежная рубашка с запонками. Несмотря на обязательное участие адвоката в процессе, Снейдер попросил разрешения самому представлять себя в суде. Суд согласился, однако, посоветовавшись, все-таки назначил ему государственного защитника, что Снейдера абсолютно не устраивало.

Прокурор, внушительная фигура с седоватыми волосами, поднялся и обратился к председателствующим:

– В целях получения правдивых показаний считаю край не необходимым приведение свидетельницы к присяге.

«Вот это поворот!» Сердце у Сабины забилося сильнее. Она надеялась, что дело так далеко не зайдет. Но прокурор во что бы то ни стало хотел поставить Снейдера на колени.

Судья была согласна.

– За лжесвидетельство закон предусматривает наказание в виде лишения свободы от года до пятнадцати лет. Вам это ясно?

Сабина кивнула, затем поднялась и приняла присягу.

– Сабина Немез, осознавая всю ответственность перед судом, клянетесь ли вы говорить правду и только правду и ничего не умалчивать?

Сабина пыталась не глотать и сохранять спокойствие.

– Клянусь.

После этого прокурор обратился к Сабине:

– Опишите суду еще раз тот конкретный день и уточните, насколько вы уверены в достоверности своих воспоминаний. В своих показаниях ограничьтесь лишь тем, что вы лично видели или слышали.

Сабина подумала и глубоко вздохнула. «Отступить уже поздно! Ты справишься. Ты в долгу перед Снейдером».

– В тот день, в ходе расследования так называемой «Сказки о смерти», Мартен Снейдер и я планировали провести арест в кабинете директора. Причины уже известны суду. Задержанный не подчинился, и дело дошло до словесной перепалки. В целях безопасности Снейдер вытащил служебное оружие, но не направил его на директора, которого мы хотели арестовать, а попытался его сначала образумить увещеваниями.

Интуитивно Сабина изменила выбор слов, чтобы суд не воспринял ее показания как заученный текст.

– Где стоял директор во время спора?

– За письменным столом. Когда он сделал шаг к столу, я тоже вытащила пистолет и приказала ему не двигаться.

– Как он отреагировал?

Сердце Сабины билось как сумасшедшее.

– Он наклонился и выдвинул ящик стола.

– Возможно ли, что он хотел достать сотовый телефон, чтобы позвонить адвокату?

– Причин я не знаю. Он нам не сказал.

– Но в ящике находился и смартфон.

– Возможно. Но, во-первых, я не могла этого знать, а во-вторых, это было абсолютно не важно, потому что мы приказали ему не двигаться!

– Но, может, он просто хотел позвонить, – продолжал прокурор.

– Точно так же он мог схватить и пистолет, который лежал в ящике.

– О котором вы тоже ничего не знали!

– Правильно, поэтому я еще раз приказала директору не двигаться, но он проигнорировал меня. Предупредительный выстрел Снейдера тоже не произвел на него никакого впечатления.

– Понимаю. Вы бы тоже выстрелили в этой ситуации?

– Да, обязательно.

– Почему вы этого не сделали?

Сабина немного помедлила. Очевидно, что вопрос был ловушкой.

– Я держала палец на спусковом крючке, но Снейдер меня опередил.

Прокурор кивнул, но было видно, что ответ его не удовлетворил.

– Как, по вашему мнению, пистолет оказался в ящике?

– Это вы должны спросить у директора.

– К сожалению, он мертв. – Прокурор вздохнул. – А когда Снейдер выстрелил во второй раз?

– Когда директор вытащил руку из ящика и выпрямился.

– Да, баллистическая экспертиза показала, что директор стоял прямо во время выстрела, – согласился прокурор. – Вы заметили, держал ли директор в руке оружие?

– Нет, не успела. Его рука была скрыта монитором на письменном столе, а Снейдер уже выстрелил.

– И вы бы тоже так поступили?

– Да.

– Интересно, потому что, как вы уже знаете, у директора в руке не было оружия!

– Как я уже сказала, это было непонятно, а так как директор не подчинился нашим приказам, мы исходили из того, что просто так он не сдастся.

– Необходим ли был точный выстрел в голову? Разве выстрела в плечо было бы недостаточно?

– Снейдер стоял слишком далеко. Я сомневаюсь, что с такого расстояния можно успеть прицелиться и попасть, тем более ввиду напряженной ситуации и спешки.

Прокурор кивнул. Сабина была уверена, что он не верил ни одному ее слову.

– Вы и Снейдер не только коллеги, но и друзья, – заявил он.

– Я бы назвала это скорее пактом о ненападении, – ответила Сабина и краем глаза заметила, как бровь Снейдера на мгновение приподнялась.

– У вас было впечатление, что в тот день Снейдер находился под влиянием алкоголя или наркотиков?

– Нет.

– В тот день он находился в ясном рассудке?

– Вы хотите сказать, что в другие дни во время исполнения им служебных обязанностей это не так?

– Отвечайте на мой вопрос!

– Я не психолог, – пробурчала Сабина, – но насколько я могу судить, он находился в ясном рассудке и твердой памяти.

– Тогда почему ваши коллеги арестовали Мартена Снейдера после того смертельного выстрела?

– Чтобы сохранить место преступления в первоначальном виде, в случае если дело дойдет до обвинения и судебного разбирательства, а его действия самообороны будут поставлены под сомнение.

– Именно, – злорадно заявил прокурор. – Я сомневаюсь в необходимости той самообороны и полагаю, что Мартен Снейдер совершил убийство в состоянии аффекта.

– А пистолет в ящике стола? – вмешалась в разговор судья. – Он был зарегистрирован на имя директора.

– Возможно, в ящике лежал только телефон, – заявил прокурор. – После убийства Мартен Снейдер мог обыскать кабинет, найти пистолет в шкафу и подложить его в ящик.

– Он не мог этого сделать! – запротестовала Сабина. – Я тут же арестовала Снейдера.

На губах прокурора появилась фальшивая улыбка.

– Действительно?

– Само собой разумеется. Почему я должна была молча наблюдать за мошенничеством и рисковать собственной карьерой и своим будущим?

– Да, почему? А возможно, это вы и подложили туда пистолет? – предположил прокурор.

– По какой причине я должна была производить какие-то махинации с уликами? – возмущенно спросила Сабина, в то время как ее сердце билось все сильнее. Черт!

– Возможно, потому, что сами боялись обвинения? Или, может, вы просто наивная? – парировал прокурор.

Сабина фыркнула про себя, но ничего не сказала.

– У вас есть еще вопросы? – спросила судья.

– Нет, спасибо. – Прокурор сел на место.

– А у вас, господин Снейдер?

– Непременно.

Снейдер быстро переговорил со своим защитником, затем сделал глоток чая из термоса, который стоял на его столе, и поднялся. До первых рядов донесся аромат ванильного чая.

Сабина осталась стоять на своем месте.

– Вы можете сесть, – сказал Снейдер и обратился к обвинителю: – Господин прокурор, насколько я вижу, мыслительные процессы обходят ваш разум стороной. Иначе невозможно объяснить, почему вы назвали Сабину Немез наивной.

– Господин Снейдер! Вы можете продолжать, но в зале суда я ожидаю от вас необходимого уважения, – предупредила его судья.

– Хорошо, если вы настаиваете. – Снейдер кивнул. – Как вы уже знаете из служебного дела Сабины Немез, во время обучения в академии она получила высшие оценки по всем дис-

циплинам, ее раскрываемость преступлений выше среднего, она всегда действовала корректно и никогда не нарушала предписаний. Так что обвинения ее в трусливом или наивном поведении лишены всяких оснований. Поэтому я хотел бы критически взглянуть на сам мотив этого процесса.

– Пожалуйста, переходите к сути! – торопила его судья.

– Я прошу немного вашего терпения. Сейчас вы поймете, к чему я клоню, – сказал Снейдер. – Насколько вы знаете из материалов дела, директор был обязан содержать трех своих бывших жен. У одной из этих дам есть кузина, и она...

– Это не имеет никакого отношения к делу! – запротестовал прокурор.

– Продолжайте! – невозмутимо обратилась к Снейдеру судья.

Сабина подняла взгляд. «Сейчас будет интересно».

– И эта кузина является женой...

– Я не понимаю! К чему все это? – выкрикнул прокурор.

– ...Является женой прокурора, – продолжил Снейдер. – Таким образом понятна попытка сохранить репутацию директора незапятнанной и представить его жертвой жестокого и невменяемого полицейского.

Вероятно, Снейдеру пришлось изрядно покопаться, чтобы выяснить эти семейные связи и заинтересованность прокурора. На этом процесс лопнул, и суд больше никогда не ставил под сомнение показания Сабины.

– Все в порядке? – спросила Тина.

Сабина подняла глаза. На несколько мгновений она погрузилась в свои мысли, но теперь вернулась к реальности, в кабинет Тины в здании БКА.

– Давай оставим эту тему, уже поздно, – сказала Сабина.

– В принципе, меня это не касается. Я лишь хочу сказать тебе... – Тина откашлялась. – Я бы поняла, если ты защищала Снейдера, потому что на твоём месте поступила бы точно так же. – Она провела рукой по волосам. – О, черт, театрально получилось.

– Спасибо. – Сабина открыла дверь и вышла в коридор. Вдруг она услышала полицейскую сирену и увидела в окно, как из подземного гаража БКА выехала колонна автомобилей с мигалками и помчалась по улице.

– Ничего себе, как они торопятся.

Кое-где распахнулись двери, и несколько коллег побежали к лифту.

– Что случилось? – крикнула Тина. – Третья мировая война началась?

– Похоже, вы еще не слышали, – сказал пробежавший мимо мужчина.

– Нет, а что такое? Ядерный удар?

– Во время ужина со своим мужем и главным прокурором Диана Хесс покинула ресторан, прыгнула с моста на железнодорожные рельсы и попала под поезд.

43 года назад – день боли

– Хочешь почитать вот этот детектив? – спросил мужчина в киоске.

Харди кивнул.

– А ты не слишком мал для него?

– Мне восемь, – солгал Харди. «А теперь давай его уже сюда!»

– Ну смотри.

Харди положил на прилавок одну марку – остаток скопленных за это лето денег – и с серьезным видом посмотрел на толстого продавца в киоске, стараясь выглядеть старше своих семи лет.

Мужчина забрал марку и положил на стойку тонкую книжку в мягкой обложке.

Джерри Коттон. «Покушение в Амстердаме».

– Сдачу оставьте себе, – великодушно сказал Харди, свернул книжку трубочкой, сунул в задний карман брюк и пошел.

За летние каникулы он прочитал уже три книжки из этой серии. Каждую неделю выходил новый выпуск. Харди понимал лишь половину написанного, но он обожал диалоги между Джерри Коттоном и его партнером Филом Декером, а также описания погонь на машинах. Но больше всего ему нравились обложки. Когда вырастет, он тоже станет агентом, как Джерри Коттон.

Харди вошел в дом, где жил со своими родителями. Так как оба работали, он мог проводить каникулы как хотел. Его мать была официанткой в кондитерской, а отец работал в металлургической фирме. Но не в бюро, а у станков – хотя отец рассказывал всегда что-то другое, но Харди чувствовал запах его волос и видел грязь под ногтями. Его так легко не провести – в этом отношении он уже был как Джерри Коттон.

Харди прошел через арку и оказался во внутреннем дворе. На горке сидели две куклы в голубых костюмчиках, а в песочнице играла девочка. У нее были пластиковые формочки и ведерко с водой, и она собиралась строить песочную крепость.

Харди встал перед девочкой и подождал, пока та посмотрит на него.

– Привет, Нора.

Она заулыбалась.

– Привет, Харди.

Девочка шепелявила, словно под языком у нее была вата, но его это не смущало. Мать Харди объяснила ему, что год назад, когда Норе было четыре года, она заболела скарлатиной, и у нее начался отит. Так как лечить ее начали слишком поздно, Нора оглохла на оба уха. Она не слышала ничего, даже взрыва петарды. Харди уже проверял.

Но со своими белокурыми косичками, ярко-голубыми глазами и веснушками Нора не только выглядела невероятно милой, но была умной, как утверждала его мать, потому что за полгода научилась читать по губам. А так как Харди это восхищало, он регулярно помогал ей тренироваться. Для того чтобы у них было на это больше времени, в зимние месяцы он сопровождал Нору с ее родителями в бассейн «Аквамарин». За вход он, конечно, не платил – просто подлезал под турникетом.

В бассейне они плескались и тренировали сложные слова и длинные предложения. Иногда Харди обманывал ее и формировал губами слова, которых не существует. Когда она понимала это, то сталкивала его в воду или била кулаками в живот. От ее маленьких кулачков ему было не больно, даже не щекотно, зато он сразу научил ее правильному удару; что большой палец лучше не убирать в кулак, а, наоборот, класть сверху на кулак. Харди в этом разбирался – все-таки он достаточно часто видел, как это делает его отец.

Солнце отражалось от цепочки Норы с подвеской в виде маленького серебряного крестика.

– Поможешь мне с крепостью?

– Времени нет, мне нужно прочитать новый детектив. Он только сегодня вышел.

Она вздохнула.

– Ты ведь даже не понимаешь, что там написано.

– Ну и что? Я...

Харди замолчал, услышав галдящие голоса нескольких ребят. Они жили в том же доме, были на пару лет старше Харди и на голову выше его. Неторопливой небрежной походкой они втроем подошли к песочнице и встали у Норы за спиной. Идиоты!

– Что случилось? – спросила она.

– Придурки снова пришли, – беззвучно, одними губами, произнес он.

Лицо Норы напряглось.

Тони и его друзья окружили песочницу и начали насмехаться над Норой. Разумеется, она не могла слышать, что они говорили, тем более, как они это произносили. Но для Харди это звучало ужасно. Тони, этот говнюк, изменил голос и залепетал, как умственно отсталая девочка:

– Привеет, Хардии, йаа строою зааамооок.

Харди чувствовал, как под кожей у него вздулись жилы.

– Оу-уу, оу-уу, – залепетал другой.

– Заткнись! – наконец закричал Харди.

Все трое сразу умолкли. Медленно развернулись и подошли к Харди.

– Оставьте его в покое! – крикнула Нора, но они проигнорировали ее. Тогда Нора вскочила, в свои пять лет встала между Харди и Тони и сурово посмотрела на Тони: – Оставьте его...

Но не договорила. Тони с такой силой толкнул ее, что она споткнулась о деревянный край песочницы, упала на спину в песок и опрокинула ведро с водой.

– Смотри! – заржал один из парней и указал на Нору, которая лежала в грязной жиже. Спинка ее голубого платья была насквозь мокрая.

Нора все еще грозно смотрела на Тони, но, когда все трое начали злорадно смеяться, на глазах у нее выступили слезы.

– Только посмотрите на эту маленькую грязную девчонку! – закричал Тони. – Оу-уу, оу... – Он неожиданно замолк.

Это Харди его ударил.

Вообще он просто хотел дать ему в грудь, но его кулак соскользнул с пуговицы рубашки Тони и попал тому прямо в челюсть. Тот закатил глаза, неловко упал и ударился головой о деревянный край песочницы. Послышался мерзкий хруст, и из раны тут же хлынула кровь.

А Тони наконец закричал. К счастью! Потому что Харди уже опасался, что Тони больше никогда не пошевелится. Но тот, с искаженным от боли лицом, схватился рукой за затылок, и за несколько секунд его волосы и пальцы покрылись кровью. Товарищи помогли ему встать, и втроем они убежали прочь.

Харди протянул руку Норе и помог ей подняться из грязи. Он сразу же начал отряхивать песок с ее платья.

– Не надо! – остановила она мальчика и убрала его руку. – Ты такой глупый, Харди.

Харди взглянул на нее.

– Почему? Эти придурки тебя больше не обидят. И меня тоже.

– Я не об этом. Если твой папа узнает.

– Ну и пусть. – Харди пожал плечами.

«Мой отец!» Об этом он совсем не подумал.

Нора с тревогой посмотрела на него.

– Тебе не стоило этого делать. Но все равно спасибо. – Она сунула руку в карман платья и достала коробочку с мятными леденцами. – Это тебе. Я стащила у папы, он привез их из Англии.

– У соседского парня рваная рана на голове! – кричал на Харди его отец в тот же вечер. – Ее пришлось зашивать. Проклятье, ты в своем уме? Я был у них и чего только не выслушал от его отца!

Харди, красный как рак, уставился в пол.

– Тебе обязательно нужно драться! Ты станешь...

– Оставь мальчика в покое, – прошептала мать Харди из глубины комнаты.

– А ты не вмешивайся! – прикрикнул на нее отец Харди и разошелся еще сильнее. Его пальцы сжались в кулак – так, как Харди учил Нору, с прямым запястьем и большим пальцем сверху.

Но в этот раз отец не ударил. Ни Харди, ни его мать. А вытащил жесткий ремень из шлевок брюк.

«Значит, сегодня опять очередь ремня. Сколько ударов на этот раз?»

Харди зажмурился, закусил губу и сжал кулаки. Первые удары были еще терпимы, но каждый следующий становился все невыносимее.

Однако он не стонал и не плакал. Лишь стиснул зубы и думал о своем будущем и о том, в чем клялся себе каждый раз в таких ситуациях: однажды он станет полицейским или агентом, как Джерри Коттон, и будет наказывать таких, как его отец.

«Однажды!»

Скоро его задница начала гореть; штаны не спасали, казалось, что удары сыпались на голую кожу.

Тут из заднего кармана вывалилась книжка о Джерри Коттоне и упала на пол. Харди совсем забыл о ней. Книжка была уже порвана, мятые страницы торчали во все стороны. Ему потребуется много скотча, чтобы привести ее в читабельный вид.

Отец поднял книжку.

– Вот это дерьмо ты читаешь? – заорал он. – И тратишь на него свои карманные деньги? Или ты это украл?

Харди не ответил. Но из глаз у него полились слезы, которые он больше не мог сдерживать.

Он заплакал.

И на этот раз он был не как Джерри Коттон.

Часть вторая. Группа-6. Четверг, 2 июня

13

Новость об ужасной смерти Дианы Хесс не давала Сабине покоя всю практически бессонную ночь. Выпив чашку крепкого кофе, она на рассвете приехала к зданию БКА и на лифте спустилась в укрепленный железобетонными конструкциями подвал, где располагался архив. Любой другой этаж обрушился бы под этими тоннами бумаги.

В такую рань, за полтора часа до начала работы, здесь еще никого не было. Сабина выбрала нишу, которая находилась в «мертвом» углу и не попадала ни на одну камеру видеонаблюдения, и устроилась перед монитором. Конечно, можно было подключиться к архиву и с собственного компьютера, но тогда она оставила бы очевидные цифровые следы, которые были бы очень быстро замечены.

Сабина ни на что особо не надеялась – если кто-то захочет узнать, что она искала в архиве, то сумеет выяснить это, несмотря на все ее меры предосторожности. Но так хотя бы сделать это было сложнее.

Она предполагала, что эсэмэс Рорбека относилось не к вчерашнему первому июня, а какому-то первому июня в прошлом. Поэтому сначала она просмотрела все документы с упоминанием имен Геральда Рорбека и Анны Хагены, которые относились к июню прошлого года. Затем прошерстила все публикации электронных газет за первое июня, но и там не обнаружила ничего необычного. Она даже не знала, можно ли вообще что-то найти и действительно ли смерти Рорбека и Хагены связаны между собой.

Затем ввела в поле запроса предыдущий год и начала новый поиск.

«Что за чертова работа!»

Спустя полтора часа ее глаза болели от мерцания монитора, а сама она была вконец измотана. И когда кто-то сзади положил ей руку на плечо, она вздрогнула от испуга.

– Тина, – выдохнула она и расслабила плечи.

– Уже что-нибудь нашла?

– Нет. Я прошерстила десять лет. И практически наизусть знаю, как складывались карьеры Рорбека и Хагены.

– И что?

– Ну, в обоих делах есть кое-какие нестыковки.

Тина подвинула к себе вращающийся стул и села рядом с Сабиной.

– Какие нестыковки? – прошептала она.

– Я нашла указание на то, что как Рорбека, так и Хагену допрашивала служба собственной безопасности. Но я не знаю, когда. К тому же нет никаких документов на этот счет и неизвестно, было ли что-то доказано.

– Ты врешь!

– Нет.

– О чем же могла идти речь?

– Понятия не имею. – Сабина пожала плечами. – Соккрытие улик, исчезновение оружия или наркотиков из камеры вещественных доказательств, взятки от владельцев игровых автоматов или крышевание борделя – возможностей много. Во всяком случае, один раз их имена упоминались в связи с СВН.

– Служба ведомственного надзора? Значит, оба были коррумпированы?

Сабина подняла руку.

– Заявления на них не было. В худшем случае их лишь подозревали.

В этот момент зазвонил служебный телефон Сабины. На экране высветился неизвестный номер. Сабина ответила.

– Алло?

– Я говорю с Сабиной Немез? – спросил взволнованный женский голос.

– Возможно. Откуда у вас этот номер?

– Я из «Висбаденского эха». Мы узнали, что вы расследуете смерть одной вашей коллеги. К тому же погибла жена президента БКА...

– Без комментариев. – Сабина оборвала разговор и повесила трубку. – Пресса, – просто-нала она.

– Мне они тоже сегодня звонили. Видимо, пробуют все без разбора служебные номера и добавочные. Чуют громкий заголовок, и ты увидишь, будет еще хуже. – Тина посерьезнела. – Кстати, в случае Дианы Хесс ничто не указывает на то, что ее насильно сбросили через ограждение железнодорожного моста, – кроме неопределенных следов на шее, которые еще будут изучены судмедэкспертами.

На шее? Это звучало странно.

– Самоубийство? – Сабина помотала головой. – Такая женщина, как Диана Хесс, не будет кончать жизнь самоубийством. – Она невольно вспомнила их последний разговор с Дианой. «Мы хотим переехать к Балтийскому морю». Это уже не получится.

– О чем ты думаешь? – спросила Тина.

– Я только вчера с ней разговаривала, и она поблагодарила меня за то, что я для Снейдера... – Сабина не закончила предложение. – Во всяком случае, она не казалась подавленной или склонной к суициду. Наоборот – она была внутренне готова к вечеру с министром внутренних дел и главным прокурором. – Сабина сглотнула.

– После ужина все и случилось. А что это должно быть, если не самоубийство? Три судмедэксперта проработали всю ночь напролет и не смогли найти никаких однозначных следов внешнего насилия на трупе. По крайней мере, на том, что осталось от трупа, когда поезд...

– Перестань! – закричала Сабина. Она даже не хотела себе этого представлять. Сама мысль, что Дианы больше нет в живых, была ужасна. – Может, это была совсем не она.

– Я видела фотографии ее трупа. – Тина подвинулась ближе. – Сабина, это она.

– Я сказала тебе, перестань! – На глаза у нее навернулись слезы. До этого момента ей как-то удавалось отгонять боль.

– Прости, я... – Тина на мгновение замолчала. – Смотри!

– Что? – Сабина вытерла глаза и повернула голову.

Тина указала на статью, которую Сабина как раз открыла на мониторе. Речь шла об операции БКА первого июня ровно десять лет назад.

– Увеличь-ка!

Сабина схватилась за мышку.

«Дитрих Хесс повышает в звании своих бывших коллег из департамента по борьбе с наркотиками Геральда Рорбека и Анну Хагену...»

Остальное было не важно.

– Бывших коллег, – прочитала вслух Тина. – Это значит, что не только Рорбек и Хагена служили раньше в одном департаменте, но и Хесс!

Сабина уставилась на статью, и в голове у нее вертелась одна-единственная мысль. «Теперь и жена Хесса покончила с собой».

Если следы и связи уходили так далеко в прошлое, а дело было еще сложнее, чем они думали вначале, существовала лишь одна возможность, как им быстро продвинуться в своем расследовании.

Она должна была срочно поговорить со Снейдером.

14

Около девяти утра Сабина вошла в Висбаденский университет экономики и права, узнала, на каком этаже Снейдер проводит свой семинар, пробралась в лекционный зал через дальний боковой вход и села в последнем ряду.

Атмосфера в этом университете была совсем другая, нежели в Академии БКА. Намного раскованнее. К тому же здесь сидело около сотни студентов, которые наблюдали, как Снейдер вошел на подиум и терпеливо поправлял запонки, окидывая зал орлиным взглядом.

Снейдер выглядел как всегда; хотя в аудитории отсутствовал кондиционер, на Снейдере была темная тройка, синий галстук и начищенные ботинки. Интересно, с этими студентами он тоже будет обращаться как с идиотами? Вероятно – с чего бы Снейдеру меняться?

Снейдер подождал минуту, пока не воцарилась тишина.

– Сначала вот что... – Он поднялся по ступеням центрального прохода. – Если вы случайно встретите меня в коридоре, столовой или на пути в университет, пожалуйста, избавьте меня от светской беседы типа «Что за погода!». Это меня не интересует, потому что мы сидим не снаружи, а в лекционном зале. Вы легко нашли дорогу сюда? Конечно, иначе меня бы здесь не было. К тому же у меня нет водительских прав и меня подвозят на машине. Кем вы работаете? Вообще-то, это вы должны знать, иначе что здесь делаете. Итак... – Он громко хлопнул в ладоши. – Мы начинаем семидневный семинар. Как работает человеческая психика?

О'кей, Снейдер и правда ни на йоту не изменился – и не делал разницы между обычными студентами и будущими коллегами БКА.

Но все равно он казался каким-то другим.

Сабина наблюдала за ним, когда он приблизился к ней по центральному проходу, но Снейдер ее не заметил. Он выглядел – хотя это казалось невозможным – бледнее и болезненнее, чем обычно. Очевидно, ему не хватало охоты на убийц, и Сабина с трудом представляла, что Снейдер был доволен своей актуальной работой.

– Случай, на примере которого я вам покажу, как работает человеческий мозг, произошел более года назад в Нюрнберге. Я случайно находился поблизости, и меня как специалиста по расследованию похищений людей пригласили для сбора свидетельских показаний. Высотный жилой дом на окраине города: гаражи, два внутренних двора, детская площадка, чуть дальше лес с пешеходными тропами. В понедельник, в восемь часов утра, молодая мать спускается в прачечную комнату в подвале, в то время как ее двухлетняя дочь играет во дворе. Неожиданно ребенок исчезает. Мать в отчаянии ищет ее и в конце концов обращается в полицию. Девочку не могут найти. Днем я приезжаю на место происшествия и беседую с матерью. Она на грани истерики и возбужденно рассказывает мне, что случилось.

Некоторые студенты записывают что-то в блокноты.

Голос Снейдера изменился.

– Я была в подвале всего десять минут. Как всегда по понедельникам. В это время Зузи играла во дворе. Она никогда не убегает. Я сунула белье в стиральную машину и включила ее. Когда я поднялась, Зузи уже не было. О господи, пожалуйста, найдите ее. Кто-то утащил ее. Возможно, она уже мертва.

Снейдер сделал паузу и подождал, пока все дописали до конца.

– Я поговорил с ней еще пару минут, посмотрел на ее руки, заметил следы масла и земли под ногтями и спросил, где она зарыла труп Зузи.

В аудитории внезапно наступила тишина. Некоторые студенты покашливали. Даже у Сабины перехватило дыхание. Эту историю она еще не знала.

– Это мать ее?.. – спросила одна студентка.

– Если у вас есть вопрос, поднимите руку! – Снейдер спустился по ступеням центрального прохода к кафедре. – Да, ее убила собственная мать. В этом я абсолютно уверен. У Зузи был жар, она хныкала всю субботу и воскресенье, пока родителям наконец не надоело. У матери сдали нервы, и она захотела заткнуть своего ребенка подушкой... что ей и удалось. – Снейдер сделал глубокий вдох. – Я допрашивал женщину еще пять минут, затем она привела меня к месту, где якобы тем же утром, в три или четыре часа, зарыла труп своей дочери. Но тут вмешался ее муж, запретил ей говорить дальше и связался с адвокатом семьи.

– Но откуда вы знаете, что все так и произошло? – спросил кто-то, подняв на этот раз руку и дождавшись кивка Снейдера. – Из-за одних лишь грязных ногтей?

Снейдер улыбнулся своей типичной презрительной улыбочкой, от которой у Сабины каждый раз по спине пробегал холодок.

– Не из-за земли под ногтями; это было абсолютно второстепенно, – сказал он. – А из-за одной фразы, которую она упорно повторяла. «О господи, кто-то утащил ее. Возможно, она уже мертва».

– Но именно так и могло случиться. Кто-то похитил девочку, надругался над ней и закопал ее труп.

– Конечно, так могло случиться, но подумайте хоть раз логически... всего один-единственный раз! – Снейдер принялся массировать точку на тыльной стороне ладони между большим и указательным пальцами, чтобы облегчить кластерную головную боль, которая, похоже, его снова мучила. – О подобной возможности молодая мать будет думать в последнюю очередь. Как там говорится? Надежда умирает последней. Сначала всегда думаешь, что твой ребенок просто убежал – к подруге или соседке, – потому что пытаешься отогнать от себя все другие, ужасные варианты. Это защитная функция психики. И даже когда сотрудники уголовной полиции рассматривают возможность похищения или даже убийства ребенка, мать все равно будет твердо верить, что ее ребенок просто убежал. Но эта мать предвосхитила реальность и с самого начала принимала в расчет смерть дочери. Это ее и выдало.

Несколько рук взвились вверх. Снейдер дал слово одной студентке.

– Труп нашли?

Снейдер помотал головой.

– До сих пор не нашли. Уголовная полиция огородила весь участок леса, криминалисты прочесали все пешеходные тропы и направления, собаки-ищейки несколько дней рыскали в поисках трупа, была даже перекопана часть леса. Безуспешно. – Он сунул руки в карманы. – Я хотел проверить родителей на детекторе лжи, но их адвокат заявил, что это унижает человеческое достоинство, и Федеральный суд отказал в использовании полиграфа.

– Я помню это дело, – забормотали некоторые студенты.

– Да кто не помнит? – спросил Снейдер. – Сообщения несколько месяцев мелькали в СМИ.

Теперь и Сабине история показалась знакомой, и она даже знала, что дело еще не закрыто, – но до сих пор не догадывалась, что Снейдер участвовал в расследовании.

– Родители собирали пожертвования для розысков своей дочери, – рассказывал Снейдер дальше. – И не упускали ни одной возможности появиться в ток-шоу. Затем даже вышла тонкая книга, которую мать написала вместе с каким-то «литературным негром». Конечно, каждый по-своему справляется с трауром, но чем чаще родители появлялись на публике, тем больше возникало слухов, что Зузи могла умереть в результате трагического несчастного случая, а мать скрыла это и лишь имитировала похищение, чтобы позже со своим мужем избавиться от трупа.

– Но родители по-прежнему ищут свою дочь – вряд ли они ее убили. Ведь все это не может быть просто отвлекающим маневром?

Снейдер внимательно посмотрел на молодую студентку.

– Вы уверены?

Когда по рядам пошел шепот, Сабина поднялась. Снейдер, как всегда, будоражил умы.

Сабина выскользнула через боковой вход в коридор и купила в столовой стаканчик кофе. Затем посмотрела в вывешенном расписании, сколько еще продлится занятие Снейдера. Времени было достаточно!

Она встала к окну в коридоре и, уставившись на деревья и лужайку во внутреннем дворе кампуса, позвонила Тине, которая сразу ответила.

– Я сейчас у Снейдера в университете, – проинформировала она Тину.

– Уже говорила с ним?

– Еще нет.

– Тогда удачи. – Это прозвучало иронично. – Ты получила данные по последним телефонным разговорам Хагены?

– Нет.

– Я порылась в архиве и нашла еще кое-что, – сказала Тина. – Угадай, кто еще работал вместе с Рорбеком, Хагеной и Хессом в этом отделе РПН департамента БКА по борьбе с наркотиками?

– Снейдер? – предположила Сабина.

Тина громко рассмеялась.

– Снейдер и наркотики – ему бы это подошло. Нет, другой коллега, которого мы знаем и который все еще работает в БКА.

– Черт, не мучай меня!

– Клаус Тимбольдт.

Тимбольдт! Ее новый босс. Сабина вспомнила их последнее совместное со Снейдером дело, когда она впервые познакомилась с Тимбольдтом на месте преступления в Баварском лесу. Как Рорбек, Снейдер, Хесс и некоторые другие, он представлял «старую гвардию» и был большой шишкой в БКА – немногословный, циничный и ставший со временем суровым и ожесточенным. Но кто не был таким после десятилетий работы в Федеральном ведомстве уголовной полиции?

– Ты хочешь за него взяться? – неуверенно спросила Сабина.

– Я? – повторила Тина. – Мы!

– И ты думаешь, что он вот так, ни с того ни с сего, именно нам все расскажет?

– Правильно: ни с того ни с сего, – пошутила Тина, но в следующий момент снова посерьезнела. – Все равно мы должны с ним поговорить.

– Согласна, я позвоню тебе, когда закончу со Снейдером.

– Разговори его и заставь расколоться, – сказала Тина и положила трубку.

«Разговорить Снейдера! Ага, как же!»

За десять минут до первого перерыва Сабина снова вернулась в аудиторию.

Снейдер вальяжно стоял перед кафедрой.

– Если будете допрашивать свидетеля не сегодня, а только завтра, он вспомнит лишь половину. – Снейдер сложил пополам белый лист бумаги.

– Еще через день он вспомнит только четверть. – Он перегнул листок еще раз.

Затем свернул его еще два раза, правда с большим трудом, потому что бумага становилась все меньше и толще.

– А через четыре дня мы узнаем лишь одну шестнадцатую. Вы хотите принять правильное решение с одной шестнадцатой информации? – Он сделал паузу. – Или со ста процентами? – Тут он снова развернул лист и поднял его в воздух.

Некоторые студенты заулыбались. Снейдер посмотрел на свои наручные часы в цветах голландского флага.

– Пауза пятнадцать минут.

Студенты, оставив на столах свои вещи, повскакивали с мест и заторопились наружу, а Сабина спустилась по ступеням к кафедре.

Снейдер наблюдал за ней краем глаза.

– Почему вы не остались на весь час?

– Было бы наверняка интересно, – признала она. – Я не все знала.

– Вы лжете! Вы ничего из этого не знали. – Он поднял на нее глаза, но руку не протянул.

– Да, верно. – «Снейдер как всегда поражает». – Вы действительно считаете, что маленькая Зузи была убита собственными родителями?

– Может, и не убита, но я убежден, что они имеют отношение к ее смерти. Несчастный случай, неправильная дозировка снотворного – есть много вариантов. Почитайте протоколы их допросов. Мать уже целый год слово в слово повторяет одну и ту же историю.

– Но это же указывает на то, что она говорит правду.

– Вы сами отлично знаете, что это не так, Белочка. – Снейдер посмотрел на нее многозначительным взглядом.

Сабина почувствовала, как покраснела, вспомнив их последнюю встречу в зале суда. Очевидно, он разгадал ее ход.

Казалось, Снейдер размышлял, стоит ли упоминать это, но, к счастью, продолжил:

– Если бы я несколько раз спросил вас о вчерашних делах, вы бы рассказали одно и то же, но каждый раз разными словами. Я с тех пор слежу за этим делом в прессе, и все это время, с самого начала, мать Зузи повторяет в точности одну и ту же историю. А это указывает на...

– То, что она заучила текст.

Несмотря на девять месяцев отстранения от службы в БКА, Снейдер ничуть не утратил своего умственного превосходства.

– Может, мне стоит записаться на ваш семинар? – пошутила Сабина.

– В любом случае вам это не повредит, – серьезно ответил он.

– Вы вообще довольны работой здесь, в университете? – спросила Сабина.

– После отстранения от службы я получил много интересных предложений, большинство от частных компаний, но отклонил их все. В этом прелесть моей ситуации: сегодня я могу – в отличие от вас – выбирать. А повышение квалификации всегда было одним из моих любимых занятий.

«Помимо охоты на убийц», – подумала она и засомневалась, действительно ли Снейдер чувствует себя настолько хорошо. По крайней мере, цвет его лица говорил о другом.

– Вам не хватает БКА? – спросила она в лоб.

– Существует немного людей, которые, как вы и я, заглянули за кулисы, закрытые для обычных смертных. Перед моими глазами все еще стоят картинки, которые никак не идут у меня из головы. – Его взгляд затуманился, а голос стал тише. – Иногда у меня бывают ночные кошмары. Я просыпаюсь весь в поту, а убийцы, которых я за все эти годы упрятал за решетку, стоят в моей спальне – в темноте вокруг кровати – и пялятся на меня.

Сабина сглотнула.

– А потом?

Снейдер взглянул на нее.

– Я говорю с ними. Они рассказывают, что творится у них в голове.

Несмотря на жару в аудитории, по спине у Сабины пробежал холодок.

Снейдер тряхнул головой, словно отгоняя от себя видение, убрал бумаги в один из ящиков, который запер на ключ, и проводил Сабину к двери.

– Я слышал, вы теперь сами преподаете в Академии БКА.

– Среди всего прочего и метод «визионерского видения». Снейдер грустно рассмеялся, но ничего не сказал. Сабина последовала за ним на улицу, где в тени дерева – в зоне для курения – они встали рядом с большой пепельницей цилиндрической формы. Снейдер вытащил

самокрутку и уже собирался зажечь ее, как заметил, что к ним направляется пожилой высокий мужчина в костюме.

– Дьявол! – Снейдер убрал косячок. – Ректор.

Сабина нахмурилась.

– С каких пор вы боитесь начальников? – начала было она, но замолчала, увидев рядом с ректором девочку лет семи.

Снейдер кратко, в своем стиле, представил их друг другу.

– Ректор – его внучка – Сабина Немез. – Он прочистил горло. – Моя бывшая коллега по БКА, – добавил он, увидев вопросительный взгляд ректора. Это было уже на много больше, чем Сабина от него ожидала.

Девочка послушно подала Сабине руку и уставилась на ее пистолет в кобуре.

– Вы из полиции?

Сабина улыбнулась, потому что малышка напомнила ей собственных любопытных племянниц.

– Да, можно так сказать.

– Сколько убийц в день вы ловите? – спросила девочка.

– Ох. – Сабина подумала и сделала вид, что подсчитывает на пальцах.

– Сегодня я поймала лишь троих, но еще не вечер.

Девочка восхищенно посмотрела на нее.

– Вы и Джека-потрошителя поймали?

– Ну хватит, – остановил ректор внучку.

– Нет. – Сабина рассмеялась. – Я не поймала Джека-потрошителя, для этого слишком молода, но... – Она повернулась к Снейдеру и уважительно похлопала его по плечу. – Но его поймал Мартен Снейдер.

Снейдер нахмурился.

– Мартен С. Снейдер, – исправил он ее.

– О да! Извините, пожалуйста.

Пока Сабина разговаривала с девочкой и отвечала на ее вопросы, ректор обсуждал со Снейдером рабочие моменты, которые Сабина слышала лишь вполуха.

– Я рассказал руководителю судебно-медицинского института в Майнце, которого хорошо знаю, о вашем семинаре, и он спрашивает... – Ректор сделал всеобъемлющий жест рукой. – За сколько вы бы согласились там преподавать?

– То же самое предложение. Часовой доклад стоит тысячу евро, без НДС. Однодневный семинар пять тысяч евро, семинар на выходных десять тысяч евро, пять дней – пятнадцать тысяч, а семестровый курс с восемнадцатью дневными и вечерними лекциями тридцать тысяч евро.

– Да, спасибо, я так и думал. Я передам ему. – Ректор выглядел так, словно записывал суммы в уме. Затем он протянул руку внучке. – Пойдем, я покажу тебе свой кабинет, а потом угощу мороженым.

Ректор попрощался и ушел. Девочка обернулась еще раз и посмотрела на Сабину:

– Удачной охоты.

– Спасибо. – «Удача мне понадобится».

Когда оба были далеко и не могли их слышать, Сабина обратилась к Снейдеру:

– Вы берете тридцать тысяч евро за семестровый курс?

Снейдер вытащил сигарету из кармана пиджака и зажег ее.

– Нет, – ответил он, затянувшись. – Но когда я дополнительно предлагаю что-то супер-дорогое, то названная до этого цена в сравнении кажется совсем невысокой.

Она вопросительно посмотрела на него.

Он покрутил сигарету между пальцев.

– Тот, кто хочет продать что-то дорогое, должен предложить что-то еще дороже для сравнения – понимаете? Это психология продаж!

– А если кто-то и правда захочет купить семестровый курс?

– За эту цену? Я вас умоляю! В таком случае в моем расписании просто не окажется свободных окон. Нужно сделать себя востребованным.

– Жулик!

– Спасибо. – Вокруг его лица клубился сигаретный дым. – У нас есть еще пять минут, и вы наконец-то должны начать рассказывать мне, зачем вы здесь. – Он протянул ей косячок.

– Нет, спасибо. Диана Хесс рассказала мне, что Хесс попытается отменить приказ о вашем отстранении от службы, чтобы вам было разрешено снова работать на БКА.

– Разрешено? – Это прозвучало цинично.

– Обвинения против вас сняли. Если вас полностью реабилитируют...

– Немез! – перебил он ее, поднял руку и показал три пальца. – Сейчас у вас осталось лишь три минуты, затем я должен вернуться в аудиторию. Не крадите у меня время и скажите, почему вы здесь. Тремя короткими и точными предложениями!

Сабина продохнула. Ясное дело! Снейдер ненавидел светские беседы, а иначе чем коротко и точно общаться с ним было нельзя.

– Недавно произошли два убийства и два самоубийства...

– Знаю, – перебил он ее.

– Мне нужна ваша помощь, чтобы...

– Немез, послушайте меня, не ввязывайтесь в это. Не ройтесь в этом дерьме.

– Но это моя работа.

– У каждой работы есть границы. – Он затушил косячок в пепельнице. – Мне нужно идти.

– Вы еще не выслушали мое третье предложение.

– Пожалуйста! – раздраженно вздохнул он. – Но оно не изменит моего мнения, потому что я уже сказал Тине Мартинелли, что эти случаи меня не интересуют.

Сабина хотела что-то сказать, но в этот момент завибрировал ее телефон. Пришло сообщение.

– Простите. – Она вытащила сотовый и открыла сообщение. Оно было от Марка Крюгера и содержало список последних телефонных разговоров Анны Хагены перед ее самоубийством на путях.

– Немез, ну так что? – торопил ее Снейдер.

– Да, одну секунду, это важно... – Она уставилась на телефонные контакты. Непосредственно перед смертью Хагена разговаривала с тем, чей номер телефона Сабина знала очень хорошо: со Снейдером! Разговор длился почти пять минут.

Сабина убрала телефон и подняла глаза.

– Тогда вас также не заинтересует, что вчера ночью к трупам добавился еще один – Дианы Хесс, – сообщила она Снейдеру последние факты и коротко рассказала о загадочной смерти Дианы.

Снейдер молчал, и было непонятно, что творится у него сейчас в голове. Мужчина, которого, как ей казалось, она знала, девять месяцев назад повел себя абсолютно непредсказуемо.

– Именно с ней у вас была тесная связь, – продолжала она. – Ее смерть не может оставить вас равнодушным. После всего, что вы с ней пережили. – Она почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. – Вместе мы могли бы...

– У нас больше нет никакого вместе! Я преподаю в университете. Вы работаете в БКА.

– Хорошо, как хотите! – «Господи, ты действительно предложила отстраненному от службы коллеге работать вместе?» Это нарушало все правила. Даже если речь шла о Снейдере. Все-таки он хладнокровно застрелил человека, и Сабина не была уверена, не превратился ли

он сам в одного из монстров, за которыми охотился всю свою жизнь. Что она здесь вообще делает?

Сабина провела рукой по уголкам глаз. Она пыталась держаться по-дружески, но теперь ее тон стал жестче.

– О чем вы разговаривали вчера вечером с Анной Хагеной?

Снейдер долго смотрел на нее, ничего не говоря. Видимо, он не рассчитывал, что она так быстро получит доступ к этим данным.

– Боюсь, это был личный разговор.

– При убийстве личная сфера не соблюдается.

– А в случае самоубийства – соблюдается, – возразил он.

– Хагена взяла на себя расследование вашего последнего нераскрытого преступления.

Что это за дело?

– Абсолютно не важное, второстепенное дело. Посмотрите в Центральной оперативной системе. – Хотя они стояли одни в зоне для курения, Снейдер понизил голос: – Что бы вы ни нашли, вас будут называть стукачом и предателем.

Сабине показалось, что она ослышалась.

– Вы должны бы знать меня лучше, – вполголоса ответила она. – Я выясню причины смерти Дианы. И если это связано со смертью Рорбека или Хагены, я найду и эти взаимосвязи. С вами или без вас. Это мой долг перед ней.

Снейдер грустно посмотрел на нее.

– Белочка, я...

– Нет! – Она предостерегающе подняла палец. – Я поклялась себе, что больше не буду ничего скрывать и замалчивать. – Следующее предложение она прошептала так тихо, что сама с трудом расслышала: – Одного лжесвидетельства с меня достаточно.

– Я понял. – Взгляд Снейдера помрачнел. – Я еще не поблагодарил вас за то, что вы для меня сделали. И сейчас не буду, потому что это было ваше решение, и я вас об этом не просил.

– Знаю, я и не требовала и не ждала от вас благодарности.

Он внимательно посмотрел на Сабину и кивнул.

– Я знаю, что вы и Тина Мартинелли не можете иначе, и, видимо, я не сумею отговорить вас от расследования этого дела.

– Звучит так, словно вы искренне переживаете за нас.

– Возможно. Я дам вам один совет – считайте, что я пошел вам навстречу. Будьте осторожны. Никому не доверяйте и подготовьтесь к тому, что вам придется иметь дело с могущественными людьми. – Затем он развернулся и исчез в здании университета.

15. Пятница, 27 мая

Харди прибыл в Хофхайм-на-Майне ближе к вечеру. Как и Рюссельсхайм, этот город располагался между Висбаденом и Франкфуртом, но не к югу, а к северу от Майнца. Местность выглядела похожей. Милые фахверковые дома, зеленые лужайки и летние веранды с зонтами от солнца. В одном из таких кафе Харди перекусил и отправился в город.

Бывший круг друзей Харди был невелик, после Надин Поллак и Отто Гедекера остался еще один человек, который в свое время был его партнером: Антуан Томашевски. Его вилла находилась на севере города, рядом с лесом, где начинался горный массив Таунус.

Удаленное место было лишь одной из причин, почему дом – как раньше, так и сейчас – производил жуткое впечатление на наблюдателя. Особенно сейчас, в девять часов вечера. Другим пристрастием Антуана были необычные украшения.

Стена, которая окружала земельный участок, была метра два высотой, с коваными шпильями. Рядом с воротами стоял огромный цветочный горшок в форме совы, в котором росли большие кактусы с длинными мясистыми стеблями. Антуан любил кактусы.

Если бы Харди проявил больше чуткости, он заявился бы сюда с кактусом в руке. Но даже это ничего бы не изменило. После того как Надин и Отто встретили его с дружелюбием бешеных доберманов – как в прямом, так и в переносном смысле, – здесь вряд ли будет по-другому.

Харди заплатил за такси и сунул затрепанную книжку в задний карман джинсов. Осталось дочитать сто страниц. Он пересек улицу, подошел к кованым воротам и уставился на темный дом за ними. Мужчина с могучей грудной клеткой – раза в два шире, чем у Харди, – преградил ему дорогу.

– Можно войти? – спросил Харди.

Мужчина оглядел его с головы до ног.

– Здесь проходит закрытая вечеринка по поводу дня рождения, приятель.

Надо же! Харди подсчитал. Кристиана была примерно одного с ним возраста, вероятно, это ее день рождения.

– Я пришел, чтобы поздравить.

– Как вас зовут?

– Томас Хардковски.

Мужчина сообщил по рации. Ответа Харди не расслышал из-за треска и шума, но увидел, как мужчина кивнул и отошел в сторону.

– У вас есть пять минут.

– Больше мне и не надо. – Харди вошел на участок. Через метр автоматически включилось освещение перед входом, но Харди проигнорировал массивную дверь со стеклянными вставками, в которых тысячей бликов отражался свет. По узкой дорожке вдоль дома он направился вглубь участка.

Разноцветные солнечные лампы освещали дорожку вдоль стены дома. В саду стояли разные скульптуры, какие-то чудища и демоны с крыльями, которые теперь светились красным, зеленым и голубым. Злое и темное всегда завораживало Антуана.

Чем ближе Харди подходил непосредственно к саду, тем отчетливее слышал смех и звон бокалов. Шум вечеринки становился все громче. Повсюду горели лампы и факелы. Из динамиков раздавалась психоделическая музыка семидесятых. «Как это похоже на Антуана». Но гости не танцевали. Лишь несколько, очевидно, пьяных и легко одетых женщин раскачивались под музыку. Другие гости стояли либо у бара в павильоне, либо дрейфовали на надувных островках по бассейну.

«Хорошо у вас тут! И у тебя могла быть такая же жизнь, как у других, если бы ты не запарол все двадцать лет назад».

Харди схватил за рукав одного официанта, который проходил мимо с подносом, уставленным канапе.

– Где мне найти Антуана?

– Хозяин дома в библиотеке.

Харди вопросительно посмотрел на него.

– Через террасу в дом, правая дверь в конце гостиной.

– Спасибо.

Харди прошел по террасе, отодвинул дорогую москитную сетку в сторону и попал в гостиную. Из сада доносилась приглушенная музыка, но и здесь внутри на патефоне крутилась пластинка. Дин Мартин. Харди пересек гостиную и с правой стороны увидел дверь. Он постучал и вошел.

Антуан Томашевски стоял у письменного стола и что-то писал. Когда Харди закрыл за собой дверь, Томашевски обернулся и одновременно открыл рот.

– Я слышал, тебя выпустили.

– Вчера утром.

– Ты... – Томашевски замолчал и посмотрел на него поверх очков. – Черт, ты выглядишь хреново.

Харди провел рукой по опухшему лицу.

– Короткий разговор с Отто.

– И теперь ты решил попытаться здесь? Сразу скажу тебе, добром это не кончится. Что ты хочешь?

Приглушенный голос Дина Мартина доносился из-за обитой двери библиотеки.

Харди изучал своего друга. Или теперь уже бывшего друга? Томашевски было около шестидесяти пяти. Если не обращать внимания на старческие пятна на руках, синяки под глазами, морщины на лбу и седину, то со своей мускулистой фигурой он все еще выглядел как профессиональный спортсмен.

– А ты, кажется, наоборот, в отличной форме.

– Кристиана не дает мне состариться. Мы участвуем в турнирах по гольфу. Так что ты хочешь? – повторил Томашевски, снял очки, не глядя положил их на стол и потянулся к бокалу с бурбоном.

Харди сунул руку в карман своей кожаной куртки.

– Мятный леденец?

Томашевски проигнорировал вопрос, даже не помотал головой.

Харди взял конфетку.

– Ты знаешь, почему я здесь.

– Понятия не имею. Ищешь где переночевать? Для таких людей, как ты, существуют ночлежные дома и интеграционные центры.

– Не мели чушь!

– Ты мог бы добровольно с общественным попечителем...

– Спасибо, я от этого отказался.

– Тебе нужны деньги? От меня ты ничего не получишь!

– Кто устроил пожар? Кто убил Лиззи и детей?

– Я понимаю, что все это тебя травмировало. В тюрьме тебе наверняка предлагали терапию, и тебе следовало бы...

– Антуан! – резко перебил его Харди. – Где моя сумка, которую ты...

– Харди, что это значит? Я не понимаю, о чем ты говоришь.

Харди почувствовал, как в голову ему ударила кровь. «Почему никто не раскрывает рта?» Его рука пару раз сжалась в кулак, прежде чем он справился с приступом ярости, а начинавшаяся было головная боль отступила.

– Чего ты боишься?

– Боюсь? Я отсидел свой срок, как и ты, и вышел из дела десять лет назад.

– Ладно, ты вышел. Мне плевать. Но ты знал Лиззи! – закричал Харди. – Я лишь хочу найти парня, который сделал с ней это.

– Парня, который сделал с ней это? – повторил Томашевски. – Ты еще более сумасшедший, чем я думал.

– Разве ты не помнишь наш разговор? – спросил Харди. – Где моя сумка?

– Какая сумка? – Томашевски сделал глоток.

В этот момент Харди набросился на него, выбил бокал из руки и схватил за горло.

– Моя сумка! – прошипел он. – Больше мне ничего не надо, я оставлю тебя и твое изысканное общество в покое, и ты меня никогда не увидишь.

– Убирайся! – прохрипел Томашевски.

Харди услышал, как за спиной у него открылась дверь. В тот же момент голос Дина Мартина стал громче. Харди испугался, что сейчас почувствует кулак привратника, но в отражении стеклянной витрины увидел, что это Кристиана вошла в комнату. Красное коктейльное платье в пол, светлые волосы собраны в пучок, в руке бокал.

Харди тут же отпустил Томашевски и погладил его по воротнику.

– Привет, Кристиана... – Он собрался обернуться. – Мои поздравления... – В следующий момент он почувствовал удар.

Томашевски без предупреждения ударил его сбоку в нос, так что Харди повалился на пол.

– Твою мать! – выругался он, приподнимаясь на руках. Из носа у него текла кровь.

Томашевски взял пачку салфеток с письменного стола и бросил на пол рядом с Харди.

– Ты мне кровью весь ковер залешь!

Харди сжал кулак. Конечно, он мог бы вмазать Антуану и как следует отплатить, но насилие ничего не даст. На этот раз! К тому же он не хотел возвращаться в тюрьму. Он вытер нос.

– Кристиана, мне очень жаль, но я...

– Харди, не могу сказать, что я рада тебя видеть. То, что ты сделал со своей женой и детьми, вызывает у меня отвращение, – сказала она тихим, но вполне уверенным голосом. – Поэтому тебе лучше сейчас уйти.

Проклятье! Снова вернулась головная боль, которая буром сверлила его виски.

– Кристиана, я...

– Тебя не должны были выпускать. Никогда! Мы больше не хотим иметь с тобой никаких дел, – сказала она. – Исчезни навсегда из нашей жизни. Ты понял?

Черт возьми, что на них всех нашло? Надин, Отто, Антуан и он на протяжении пяти лет делили все радости и невзгоды, загребали деньги лопатой – и это их сплотило. Неужели все так изменилось за последние двадцать лет? Это деньги и важничанье сделали Антуана и Кристиану такими холодными и бесчувственными? Правда, они всегда принадлежали к разным кругам, раньше Кристиана была успешным риелтором с сомнительной клиентурой. Конечно, после ареста Антуана ее репутация и бизнес пострадали, но, освободившись, Антуан вошел в дело, и вместе они снова поднялись. Харди знал, что это было нелегкое время; он всегда был в курсе дел своих бывших партнеров. Но, похоже, у них все получилось: полно денег и, очевидно, никакого желания знаться со старыми друзьями.

– Понимаю. – Харди вытер окровавленный нос, сунул салфетки в карман брюк и направился к двери.

Проходя мимо Кристианы, он не протянул ей руку, а лишь показал, словно извиняясь, окровавленную ладонь.

– Спокойной ночи.

– Прощай.

Томашевски молчал.

Харди покинул дом, прошел по террасе мимо бассейна и направился через сад к выходу. На улице он понуро сел на асфальт рядом с глиняной совой, подтянул ноги и прислонился спиной к стене.

– Все прошло успешно? – спросил привратник.

Харди не ответил. Он сделал два глубоких вдоха, затем стиснул зубы, взялся за нос и резко дернул его. Послышался хруст. На глазах выступили слезы, но сломанный нос выпрямился. Правда, кровь снова полилась ему на футболку.

Вот дерьмо!

Он вытер кровь салфеткой, запрокинул голову и прислонился к стене. Краем глаза он заметил, что привратник смотрит в его сторону. Какое жалкое зрелище он, должно быть, представлял собой.

Когда слезы Харди высохли, а рана перестала кровить, он перевернул салфетки. В слабом свете уличных фонарей разглядел несколько слов, которые были написаны на обратной стороне. Некоторые размылись от крови, но сообщение можно было разобрать. Его пульс ускорился.

«Нам очень жаль, что все так случилось. БКА прослушивает наш дом и следит за нами. За другими, вероятно, тоже».

Харди высморкался в салфетку, скомкал ее и сунул в карман куртки.

На нижней салфетке было еще одно сообщение, которое Томашевски, видимо, написал перед тем, как Харди вошел в библиотеку.

«Перед домом под глиняной совой. Удачи!»

Харди скомкал и эту салфетку и убрал в карман. По крайней мере, он прояснил некоторые вопросы. Например, почему Надин, Отто, Антуан и Кристиана внезапно не захотели с ним зняться.

Но оставался еще один большой вопрос: зачем БКА следить за Надин, Отто или Антуаном? Чтобы выяснить, не расскажут ли они что-то Харди? Но что? Это просто паранойя! А если нет? В таком случае кто-то чертовски боялся, что он может что-то узнать. Неужели за всем этим стоит БКА? Кто бы то ни был, Харди придется вытащить его из комфортной зоны.

– Вам лучше уйти, пока не пришли следующие гости, – посоветовал ему привратник.

– Да ладно тебе! – Харди остался сидеть, сунул в рот мятную конфетку и уставился на опушку леса через дорогу. Близкое и идеальное место, чтобы следить за этим домом, – но также идеальное и для Харди, чтобы выяснить, кто наблюдает за домом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.